Герда

Автор:
Эдуард Веркин

Герда

Эдуард Николаевич Веркин

Провинциальная трилогия #5

Эдуард Веркин – современный писатель, неоднократный лауреат литературной премии «Заветная мечта», лауреат конкурса «Книгуру», победитель конкурса им. С. Михалкова и один из самых ярких современных авторов для подростков. Его книги необычны, хотя рассказывают, казалось бы, о повседневной жизни. Они потрясают, переворачивают привычную картину мира и самой историей, которая всегда мастерски передана, и тем, что осталось за кадром.

Роман «Герда» – это история взросления, которое часто происходит вдруг, не потому что возраст подошел, а потому что здесь и сейчас приходится принимать непростое решение, а подсказки спросить не у кого. Это история любви, хотя вы не встретите ни самого слова «любовь», ни прямых описаний этого чувства. И история чуда, у которого иногда бывает темная изнанка. А еще это история выбора. Выбора дороги, друзей, судьбы. Один поворот, и вернуться в прежнюю жизнь уже невозможно. А плохо это или хорошо, понятно бывает далеко не сразу. Но прежде всего – это высококлассная проза.

Роман «Герда» издается впервые.

Эдуард Веркин

Герда

Глава 1

Доктор поднадоел

– Рома, Воронеж, дээмбэ восемьдесят два, это если совсем подробно вспоминать. Вам же подробно?

– Если можно.

– Ну, вот так. Рома, Воронеж, дээмбэ восемьдесят два. А подумала я, значит… Вот так, примерно.

Рома был в Воронеже в восемьдесят втором на дамбе, похоже на шифр. На тайный код, а что, запросто? Передавать секретную информацию через выковыривание ее на спинках автобусных сидений – это отличная идея, наверняка раньше шпионы так и делали. Это сейчас они избаловались, все через Интернет передают, а раньше…

Что там дальше-то? Кустанай – столица мира.

– Кустанай – столица мира, – сказала я погромче.

И тогда, и сейчас.

Кустанай – это, кажется, город. Где-то в Табасаране, на краю обитаемой вселенной, там, где камни, арыки, тоска, красная пыль, никакого комфорта. За Кустанаем пустыня, за пустыней океан, волны, в них дремлет Ктулху. Бах, провалились в ямину…

– Чуть язык не прикусила, между прочим…

Аделина двумя руками вцепилась в поручень и побледнела, так ей и надо, это ей не свиней из лука расстреливать, это суровое путешествие для суровых людей, не зря я кеды надела.

– Кустанай? – с психоаналитическим удивлением поинтересовался доктор.

– Ага, – подтвердила я. – Так там и было написано.

Кустанай, похоже на кличку собаки. Добегай, Замотай, Кустанай. Длинноносый русский хорт, любопытный и неугомонный, лижет след, умирает на бегу от восторженного разрыва сердца.

– Как? – спросил доктор. – Русский хорт?

– Борзая, – пояснила я. – Да ладно, доктор, что вы прикидываетесь. А Кустанай вполне может быть и глаголом…

Кустанай вполне может быть и глаголом. Нет, я могу, конечно, посмотреть у Фасмера, но оно зачем? Лучше самой придумать. Кустанай, это что-то вроде… Отстань. Отвали. Отвянь. Кустанай от меня, бобик драный.

– «Кустанай – дыра. Белгород – король. Ракитин был здесь».

Зловеще.

С Белгородом все понятно, там высокий уровень сельского хозяйства. Кустанай собака, а Ракитин на самом деле здесь был.

Тогда я специально сказала это зловеще. Я умею зловеще, а Аделина от этого бесится. Вообще, я по-всякому умею: зловеще, страшно, печально, мизерабельно, по-всякому, мы в студии специальный курс проходили. Боевое актерское искусство. Как воздействовать на противника яростью своего таланта. Петр Гедеонович даже специальные полевые выходы устраивал, для проверки навыков. И у меня всегда лучше всех получалось. Вот, допустим, такое задание – взять смартфон последней модификации и проехать бесплатно в муниципальном автобусе. На смартфоне надо вызывающе пуляться птицами в свиней, при этом следует убеждать билетчицу, что я катастрофически неимуща, денег нет ни на хлеб, ни на проезд, ни вообще. Три раза я проехала бесплатно, а два раза мне даже подали мелочь, один раз, правда, выгнали, почему-то решили, что я сатанистка. Наверное, из-за майки с Ктулху; я им говорила, что Ктулху это совсем не сатана, но они не поверили. Конечно, для езды в автобусе

лучше говорить мизерабельно, а не зловеще, зловеще лучше в других ситуациях.

Вообще, когда я говорю зловеще – у многих мурашки по коже идут, дыхание перехватывает. А Аделина бледнеет и начинает нервничать и оглядываться.

– Ракитин был здесь! – повторила я.

Представляя, что при этом возникает в голове у Аделины. Она тоже представила, ну, что случилось с несчастным Ракитиным в этом самом автобусе. Или что сделал Ракитин с пассажирами.

Вообще я не хотела тогда Аделину доставать, но она сама виновата. С утра принялась трындеть со своим Симбирцевым. Ну, ладно бы просто трындела, так она все время говорила слова, фонетически мне неприемлемые: «пусик», «лапа», «солнце», «няка», просто аллергия звуковая. Такой мощный удар глупости можно перенести в обед, иногда он сносен во второй половине дня, с утра же это хуже войны. Утро, одним словом, в тот день началось скверно, лично я после этого уже никуда не поехала бы, так и осталась бы дома сидеть до вечера, неоготики почитала бы, пиесу посочиняла, в стену посмотрела, да мало ли? Но в тот день вмешалась мама.

О, да! Сказала, что нам нужно съездить, отлынивать неприлично, потому что Симбирцевы давным-давно приглашали, а мы все отказывались, это некрасиво, это некультурно. Сама она нас не может отвезти, у нее заседание, у нее обсуждение и согласование, но мы уже большие, мы и сами справимся, в конце концов, вона какие лбы. А если кто думает симулировать, то очень сильно не советую.

– Да, – кивнула я доктору. – Мама у нас стальной человек, если что не советует…

Не советую отказываться, сказала мама.

И посмотрела на меня. Зловеще. Конечно, не так зловеще, как я, но все равно, я решила, что лучше не спорить, подчиниться родительскому произволу. Гоша тоже спорить не стал, он у нас вообще никогда не обостряет, его к анчару за смолой пошлют, а он, дурачок, и рад – внимание обратили. Ну, может, не рад, но и сопротивляться не сильно будет, на таких, как он, все деспотии держатся.

Аделина же этим обстоятельствам очень обрадовалась. Очень ей было важно нас затащить к Симбирцевым. Это для того, чтобы показать, что у нас большая многодетная семья, дружная, настоящая такая, с традициями, чай по пятницам, бадминтон по субботам, мужчины ходят на воскресную службу и держат «винчестеры» между коленей, женщины прекрасно готовят шарлотку и солят огурцы, привозимые возами с суздальских полей. Сами Симбирцевы как раз такие, многодетные, с историей, дворяне столбового разлива, Алексис Симбирцев сто восемьдесят первый в очереди на российский престол. Одним словом, отбиться от визита нам не удалось, согласились. Аделина красилась, Гоша, как всегда, тормозил маршевым двигателем, а я люблю утречнюю прохладу. К тому же с утра Венеру бывает видно, ну, или Марс, звезды, короче, ближе. Вот я и вышла на улицу пораньше других, открыла дверь, шагнула на крыльцо и сразу увидела. Под ногами лежала мертвая птица.

– Плохой знак, – сказала я. Так тогда и подумала.

– Что за знак? – казалось, не расслышал меня.

– Птица. Вы же велели вспоминать, вот я и вспоминаю. Разбитая птица, пестрая, точно раскрашенная. Вы меня не сбивайте, а то я все опять забуду.

Док кивнул.

– Необычная какая-то, яркая слишком. Перья красные, перья желтые, зелененькие даже, хохолок. Клюв сломанный, длинный, кровь. Удод. Или щегол. Или коростель, не знаю я в них, коростель пешком ходит, пришел из Африки и умер под дверью, судьба такая, не вернуть.

А мне сразу от этого коростеля стало худо.

Вообще, я верю в знаки. В предзнаменования всякие и так далее, поэтому мертвая птица на меня произвела впечатление. То есть совсем плохое, живот заболел, ноги затряслись, а ладони вспотели. Первой мыслью была мысль совсем нехорошая. Ну да, порча всякая там, сглаз – одним словом, добрые люди из Жеводана поработали, теперь стоит ждать обвала судьбы, хаоса. И сразу в голове список фамилий и прегрешений, и мстительные оскалы двоюродных братьев, помню, я их по струнке гоняла, особенно Винченцо, моя двоюродная тетка назвала своего сына Винченцо, а? И это она еще филфак не заканчивала.

– Странное имя, – согласился доктор.

– Во-во. И у нас все так.

Да нет, вообще-то никто не стал бы подкидывать. И потом как? В поселке КПП, забор высокий, не пройти, так что птица, скорее всего, сама по себе… Разбилась. То ли о стену, то ли о стекло. Что, конечно, утешало не сильно. Потому что явный знак.

А может быть, и не знак, вселенная расширяется, в волнах этого расширения может случиться что угодно, про это Петр Гедеонович еще говорил. Случайность. Летела гагара, воткнулась в постоянную Планка – вот и результат.

– Громом, наверное, убило, – сказала я.

– А вы действительно верите в знаки? – вкрадчиво спросил доктор.

– А как же. Должен же в нашем доме быть хоть один нормальный человек?

– То есть? – др. достал блокнот и ручку.

– Ну, у нас же все ненормальные. Мама буддистка, верит в Дао. Или в Сяо. Или в Ляо. Как там правильно?

– Дао…

– Во-во. В карму, короче. Мясо нельзя, креветко можно, отечество нам Царское Село.

– Что? – не понял доктор.

– Сестра моя, Аделина, по кабанам из арбалета стреляет, вот в чем секрет.

– Зачем? – удивился др.

– Это вы у нее спросите – зачем? Я считаю, что она просто дура, а вот многие подозревают, что у нее богатый внутренний мир. Что она так самовыражается, ищет себя. Игорь – он вообще никакой, как лапша с укропом, у него даже и прозвище такое – Лапшан. Никто его так, правда, не называет, потому что друзей у него нет. А Мелкий вообще странный, ему уже два года, а он не говорит.

– Не умеет?

– Умеет. Но не говорит. Принципиально. Бьет в барабан и с заточкой ходит.

Про заточку и барабан я, наверное, перегнула, но мозговед, кажется, поверил. Или ловко сделал вид.

– Заточка?

– Он ее из градусника приготовил, – объяснила я. – Из игрушечного, само собой, пластмассового. Если ему что не нравится, он сразу тычет – и все дела. Очень, кстати, больно.

Я изобразила, как ловко Мелкий работает заточкой, док поморщился.

– А папа? – спросил он осторожно.

– Папа у нас совсем, – я скорбно помотала головой. – Вяжет.

«Вяжет» я произнесла тоже зловеще.

– Что вяжет? – уточнил др. – Носки? Сети?

– Мушки, – сказала я.

– Мушки? Он рыбу ловит?

– Если бы, – хмыкнула я. – Он просто вяжет. Вяжет и на стену вешает, любуется еще, а на рыбалку только собирается. Рыбак-теоретик. Ну, продает иногда.

– Твой папа продает мушки?!

– Ну да, продает. В пошлом году продал набор из семи мушек в Саудовскую Аравию за пятнадцать тысяч евро.

Док вроде бы погрустнел.

– И что это за мушки такие? – печально спросил он.

– Для нахлыста. Полный эксклюзив. Из шерсти мамонта. Только для ценителей. Такие мушки идут по цене бриллиантов. А психика меж тем искажается.

– Что? – не понял док.

– Папина психика искажается. Вообще-то это ему нужен психолог, а не мне.

Это я сказала доверительным шепотом. И по голове постучала, звук такой костяной получился, голова – это кость, всегда так думала.

– Папа помешался на этих мушках, – сообщила я. – Вы не представляете, насколько люди на это подсаживаются. Это хуже наркотиков. И мушки из мамонтов – это только вершина айсберга.

– Правда?

– Угу. Мамонт – это для богатых дурней. Настоящие ценители интересуются совсем другим.

– Чем же? – печально спросил доктор.

– Ну, например, в прошлом году один коллекционер из Америки заказал мушку из шерсти Белки.

Это я, конечно, вру, но док верит. Он сам рассказывал, что периодически встречается с гражданами из нашего поселка, к причудам привычен, Белка тут не самое оригинальное.

– Какой Белки? Той самой?

– Той самой. Что в космос летала. Героической.

– Разве она еще жива? – тупо поинтересовался доктор.

– Нет, конечно, вы что? Из нее чучело набили, оно в Звездном городке стоит. А вы разве не слышали? Все космонавты перед стартом его по загривку треплют. И так уже натрепали, что чучело совсем облысело. Одним словом, время терять было нельзя, папаша сел в самолет и сгонял за скальпиком. И связал три мушки из шерсти звездной собаки! Представляете, сколько стоила такая мушка?

– Нет…

– И я не представляю. Наверное, как в космос слетать. Так вот и скажите теперь, как сильно такими увлечениями душа-то попирается, а? То космическую собаку скальпируй, то королевского шпица, а то и…

Я замолчала, подвигала бровями очень многозначительно. И умненький мозгоправ быстренько додумал все сам, в Фейсбуке-то, чай, зависаэ. Хотя кто его знает, зрение у него, кажется, плохое, вот очки зеленые носит…

– Неужели?! – прошептал он. – Неужели и так…

– А то, – подмигнула я. – Из черной шерсти получаются изумительные нимфы.

– Да-да, – др. быстро огляделся. – Изумительные нимфы… Однако, Аглая, давайте, может, вернемся?

– Куда? – не поняла я.

– К нашей беседе. Вы хотели дорассказать.

Он записал что-то в блокнот.

– Я? Я ничего не хотела дорассказывать. То есть я устала, давайте на птице остановимся…

– Но это ведь важно.

– Кому?

– Вам. И мне. Мы должны закончить терапию…

– Да надоело уже, – попыталась отвертеться я. – Три раза уже рассказывала, сколько можно?

Я, конечно, понимаю – доктору, наверное, заплатили вперед за десять сеансов, осталось еще семь, и все эти семь сеансов он должен меня интенсивно излечивать.

Но доктор-то не дурак, понимает, что со мной все в порядке, но отступиться не может. Во-первых, я из приличной семьи, вылечить девушку из приличной семьи – мечта каждого психотерапевта. Лечить девушек из приличных семей престижно и выгодно, вылечишь пару-тройку – и пойдет о тебе молва, и потекут страждущие с кюпюрами во руцех, только успевай расправлять карманы. Во-вторых, он, кажется, боится моего папы. Поэтому старается. Я ему уже два раза предлагала в шашки поиграть, ну или в нарды, или телевизор посмотреть, передачу про то, как устроены батарейки, или просто посидеть – почитать книжки какие, английскую романтическую новеллу там, я люблю про грозовые перевалы и сонные лощины… Но доктор, само-собой, отказывался. Думаю, опасается скрытых камер.

Вообще, он, конечно, смешной, всегда в свитере ходит, хотя и жарко. Свитер – это во имя непринужденности, чтобы приблизиться к пациенту, расположить его к себе, вывести терапию на новый уровень. Кроме свитера у дока есть еще несколько фишек для контакта – красные кеды, скутер, пирамида, выточенная из камня пирамиды Хеопса, картавость, спички. Я все это понимаю. Когда доктор ездит на итальянском скутере и картавит, доверяешь ему гораздо больше; когда видишь пирамиду из пирамидного камня, невольно спрашиваешь – откуда? И тут доктор рассказывает, как он ездил в Египет, встречался с фараоном, жевал мумие, начинаешь его слушать, а он и говорит – расскажите, пожалуйста, что с вами случилось восемь дней назад? И попала. Подкрался и в спину кинжалло

вонзил. Вот так, невзирая.

Доктор достал спичечный коробок, из него спичку, чиркнул. Спичка лениво разгорелась, огонек получился ровный и зеленоватый, я уставилась на него и не смогла уже оторваться, так и глядела. Огонь добрался до пальцев доктора, лизнул их и погас. Забавный фокус. Суггестивненько.

– Я уже три раза рассказывала, – повторила я. – Ничего интересного. Слушайте, мне это неприятно вспоминать, как вы не поймете? Давайте телевизор лучше посмотрим, там про коровье бешенство как раз. Доктор, вы в курсе, что у нас в области коровье бешенство буйствует?

Про коровье бешенство он пропустил мимо ушей, сейчас затянет про катарсис. Я должна двадцать раз рассказать то, что с нами случилось, чтобы переживания и негативные эмоции не отложились у меня в подсознании и не изуродовали бы мою дальнейшую жизнь. Заговорить, заболтать. Когда мама предложила вызвать психотерапевта, я на всякий случай заранее подковалась. Книжки психологические почитала, канал психологический поглядела, шарик купила стеклянный, смотрела в него двадцать минут, прозревала грядущее и немного прозрела, какие-то струны, какие-то всплески, какие-то василиски, все как надо. У меня даже интерес появился, мир психопатологии оказался обширен и ярок, да и явившийся доктор не разочаровал – соответствовал, точно это он сам для психического канала сценарии писал, весь в тренде.

Спички меня удивили, с таким я не сталкивалась.

– Да я понимаю, – вздохнул доктор. – Понимаю, вам не хочется. Но так надо, Аглая. Такова процедура, таков метод. Он глуп, но действенен. Принято считать, что мы врачуем разум, но это не так, душа нам тоже небезынтересна…

Он снова чиркнул спичкой.

Спички у него необычные, старинные, в большом угловатом коробке. И горят необычно, ярко, не так, как сейчас. Грамотный ход, за этими спичками хочется наблюдать.

Доктор повел спичкой, я проследила за огнем. Гипнотизер.

Спичка погасла.

Я вздохнула. Ладно, сам напросился, сейчас я ему выдам. Я вчера вечером историю заготовила, как раз для докторишки. Такую, вполне себе ужасную, с деревенскими вурдалаками-трактористами, рашн реднек зомби, брутал массакр бензопилой…

Но тут дверь скрипнула и появилась Герда. Др. съежился в два раза, стал таким маленьким-маленьким, незаметным-незаметным и похожим на бобра, собрался в комочек, спрятался за зелеными очками и начал листать блокнот туда-сюда, туда-сюда, вроде как думая о разных способах моего излечения.

Забеспокоился.

Герда вошла.

– Хорошая собачка, – сказал, – очень хорошая. Бульмастиф?

– Унштруттерьер, – ответила я.

– Хорошая…

– Прекрасная, – согласилась я. – Только нервная очень.

– Нервная, я вижу… А может, она это… уйдет? Знаете, Аглая, она мне несколько… затрудняет…

– Ну, это если она сама захочет, я ей приказать не могу.

– Почему? – спросил доктор.

– Она меня не слушает, она Игоря слушает. Ничего не могу поделать, – пожала я плечами.

Док уставился на Герду, а та его пока не замечала, медленно покачивала головой, поблескивая глазами. Нос у нее дергался и морщился, чуяла спички.

– Это, конечно, не дело, – покривился др. – Не дело… Ладно, давайте продолжать. Меня интересует…

Герда печально оглядела комнату, не нашла ничего занимательного. Оглядела второй раз и интересное нашла. Доктора. Докторишечку. Презрительно понюхала воздух и направилась к нему разболтанной походкой уверенного в себе человека. Собаки то есть, но тоже уверенной.

Доктор замер. Герда приблизилась к нему, понюхала его уже в упор. Доктор икнул.

– Чего это? – спросил он.

– Вы ей, кажется, не нравитесь, – объяснила я. – Странно…

Др. попытался сдвинуться, но Герда тут же предупреждающе вздохнула, негромко так, чуть-чуть, но душевно, как умеет. И нос у нее продолжал дергаться, отчего зловеще выступали клыки.

Герда великолепна. Герда незаменима. Как мы без нее раньше жили?

Док принялся поглаживать дужку очков. Герда смотрела на него не отрываясь.

– Ну, так давайте поговорим, – сказала я. – О чем вы там толковали?

Др. сдвинулся, Герда заурчала уже с угрозой. Это у нее очень хорошо получается, даже не горлом, а как бы сразу нутром, точно там у нее компрессор аквариумный клокочет.

– Я слышал, вы творчеством увлекаетесь? – нервно спросил др.

– Ага. Это у нас семейное, папка мушки вяжет, сестра по кабанам из арбалета, а я пиесы сочиняю.

– Пьесы – это хорошо, – напряженно сказал он. – Это очень близко…

– Хорошо – это у Вампилова, а у меня про Ктулху. Вам Ктулху нравится?

– Ктулху? – спросил доктор.

– Ну да, Ктулху. Демон вод. Он спит под Арктической ледяной шапкой, но рано или поздно восстанет. И тогда все, никакой психоанализ нам уже не поможет.

– Интересно как… А я и не знал, что он…

– Никто не знает, – сказала я.

Я мистически округлила глаза.

– Ну, и стихи иногда, – сказала я. – По большим праздникам.

Герда икнула. Доктор вздрогнул.

– Это та самая собака? – нервно спросил он.

– А как же? Та самая. Морталшнауцер.

Доктор пошевелил бровями, неправильно, не так, как я.

– Хорошая собака, – сказал он.

– Хорошая, – согласилась я.

– Пьесы – это правильно, драматургия развивает композиционное мышление…

Герда подняла уши. Где-то в доме происходило интересное, требовавшее присутствия. Вот просто необходимого немедленного присутствия.

И Герда отправилась присутствовать.

Доктор вздохнул с облегчением, вытер со лба выступивший пот, зажмурил глаза, протер очки. Потряс коробком у уха.

– Вы интересовались моим творчеством, – напомнила я. – Пьесы хотели посмотреть.

– Да, да, конечно…

– Тогда я вам могу зачитать. – Я достала тетрадь, выбрала потолще. – Про то, как одна девушка стала вдруг слышать зов…

Я потерла виски, а доктор поглядел на меня с сомнением.

– Доктор, а вы никогда не слышите зов?

Глава 2

После

Собака зевнула.

Бесшумно, только немного скрипнули челюстные мышцы, и зубы стукнулись друг о друга.

Собака зевнула.

– Хочет кушать, – сказала мать. – Собака хочет кушать.

Мать открыла холодильник и стала изучать содержимое. Колбаса, ветчина, карпаччо, заливное, балык, сало. Выбрала сало, домашнее, из Белоруссии, с укропом, с дымком.

Собака облизнулась.

– Хочет сала, любит сало, – приговаривала мать. – Хорошая собака…

– Сало собакам нельзя, – сказал я.

– Почему это? – спросила мать. – С какой стати?

– Желудок расстроится. Точно, я передачу видел. Собак салом нельзя кормить.

Мать вернула сало на полку.

Собака вздохнула.

– Она печенье любит, – сказала Алька.

– Печенье собаке тоже не еда, – заметила мать. – Ты посмотри, какая она тощая. Ей не печенье твое нужно, ей нужно сбалансированное питание. Завтра я поеду в магазин и куплю собачьей еды.

– Она печенье любит…

Алька подмигнула мне.

Точно, любит. С утра слопала упаковку овсянки, только треск стоял, только крошки летели. А потом еще лук. В своей комнате на подоконнике Алька выращивала лук. С познавательными целями. Брала луковицу, опускала ее в банку с водой, через неделю из луковицы выползали стрелки, Алька радовалась. Весь подоконник в луке. А желуди не растут. Печенье раззадорило аппетит собаки, и она съела еще и лук. И стрелки, и луковицы, доставала из банки и жевала, в два укуса, пять минут, и десять луковиц нет.

И еще водички из банок попила.

Впрочем, Алька не обиделась, наоборот, сказала, что еще лука посадит, был бы аппетит.

– Завтра я куплю собачьей еды, – повторила мать. – А сейчас мы покормим ее мясом. У нас тут… Вот.

Мать достала итальянскую колбасу, целую палку, понюхала. Сверилась со сроком годности – мать помешана на просроченной продукции, убедилась, что есть еще немного можно.

– Ты еще икру достань, – посоветовал я.

– Если надо, достану. И икру, и микру, и вообще… И вообще, животное нуждается в питании. Это вы неделю можете не жрать, а оно должно регулярно…

Дверь скрипнула, и показался Мелкий. Отчего-то ползком. Хотя он ползком неплохо умеет, шустро так шпарит, как сверчок – раз-раз и прибыл.

Мелкий сел возле стены. Собака повернулась к нему.

Все замерли. Мать холодильник не закрыла.

– Ой, – сказала Алька.

Я тоже испугался. Как-то про Мелкого мы совсем забыли, а он, между тем, уже уверенно освоил дом, умудрялся выбираться даже на второй этаж, и застревал под диваном, и бессчетное количество раз просто терялся, а один раз чуть не проглотил зажигалку.

Мелкий с независимым видом оглядел столовую. Мать сделала призывное лицо, но Мелкий на ней и не задержался, направился прямиком к собаке, по привычке удерживая равновесие с помощью собственных ушей. Держась за них, то есть.

Он шагал, у меня в ушах стоял хруст разрываемых сухожилий и щелканье челюстей. Кинуться, подхватить Мелкого на руки, забросить на буфет, но я замер, опасаясь сделать лишнее движение.

Мы все как-то замерли.

Мелкий приблизился к собаке. Он был ровнехонько с нее ростом, ну, то есть она с него. Голова к голове, глаза в глаза. Это было…

Розовый двухгодовалый шпингалет, гладкий, мягкий, абсолютно беззащитный, в перемазанном кашей синем комбинезоне с мишками. И напротив него собака.

Мелкий отпустил собственные уши, протянул руки и взял за уши собаку. В голове у меня промелькнула жуткая картина – вот сейчас она одним движением, как тогда, в поселке…

Собака лизнула Мелкого в подбородок. Он отпустил ее уши, достал из кармана комбинезона железную модельку джипа и принялся катать ее по голове и по спине собаки. Гудя и рыча так громко, как джип никогда не гудит и не рычит. Собака косилась, чуть поворачивая морду, пошевеливая обрывками ушей, помахивая огрызком хвоста.

Мать выдохнула, потерла лоб колбасой. Растерянно.

– Подружились, – улыбнулась Алька.

Мелкий тем временем перешел джипом с собачей спины на батарею, гудя и булькая губами, добрался по стене до стола, где мать поймала его и посадила в детский стульчик-столик. Мелкий возмутился и начал немедленно выть и дрыгать ногами, мать плюнула и выпустила его обратно пастись на пол. Мелкий загудел и повис на собаке. В прямом смысле повис – обхватил за шею руками, впился ногами, повис.

Собака перенесла это вполне спокойно.

Заглянул отец. Он был мрачен, даже не мрачен, а зол. Такое редко бывает. Но бывает.

– Как настроение? – спросил отец довольно жизнерадостно, сумел взять себя в руки.

Это он как бы у всех спросил, но на самом деле только у Альки. Только у нее.

– Нормально, – ответила Алька. – А что?

– Да ничего, просто…

Мелкий свалился с собаки. Несколько секунд полежал на полу, затем неожиданно устремился прочь из кухни. Сверчковым шагом. Он часто вот так отлучается, но в этот раз он отлучился со слишком уж хитрым лицом. Мать выразительно посмотрела на Альку.

– А почему все время я? – спросила она. – У меня голова болит, и вообще. Пусть Гоша.

У меня теперь выбора нет, я теперь со всем соглашаюсь.

– Ладно уж, – смилостивилась Алька. – Так и быть. Вам, видимо, надо поговорить.

При слове «поговорить» Алька издевательски выпучила глаза.

И Мелкого ловить отправилась.

– Ну? – спросила мать у отца.

– А что ну? Не нашли, конечно. И капитан сказал, что вряд ли найдут.

– Это почему?

Мать стала злобно похлопывать колбасой по столу. У собаки текли слюни. Сильно так, на полу быстро собиралась лужица.

– Почему? – повторила мать сердито. – Почему это они не найдут? Я буду звонить…

Ей тяжело сейчас. Она переживает. Ведь все могло…

– Я ему тоже это сказал. А капитан ответил, что я могу звонить куда угодно, только не дозвонюсь. Да не стучи ты!

Отец отобрал у матери колбасу, нервно откусил прямо из серединки и стал жевать.

Он тоже нервничает.

– Эти люди не ходят в больницы, – сказал отец. – У них нет документов. Они не будут жаловаться. Они как… инопланетяне. И, скорее всего, они уже убрались отсюда. Не найти.

Отец откусил еще колбасы.

– А поселок? – спросила мать.

Лужа слюны стала больше.

– В поселке никого. – Отец с удивлением поглядел на колбасу в своей руке, вздохнул, швырнул колбасу собаке.

Та разгрызла ее в три укуса, затем принялась быстро и неаккуратно есть.

– Я это так, конечно, не оставлю, – сказал отец. – Я дойду… До кого надо. А если они не примут меры…

Отец хлюпнул носом.

– Не вздумай, – резко сказала мать. – И не вздумай.

– Но этого нельзя так оставлять, – возразил отец. – Они могут на кого угодно напасть, Игорь говорит, что там до деревни недалеко…

– Я не говорю, что надо сидеть сложа руки. Надо действовать. Но по-другому. Я поговорю со своими, я обращение выложу, по френдам… Но ты не вздумай.

В голосе у матери вдруг прозвенела истерика, собака оторвалась от колбасы и повернула в сторону матери засалившуюся морду.

– Ладно, – тихо сказал отец. – Ладно. Но я все равно…

– Нет! – выкрикнула мать. – Не смей.

Сейф в кабинете отца. А в нем гладкоствольный полуавтомат «Вепрь» и нарезной полуавтомат «Сайга», и патроны в разноцветных пачках. Стрелковый клуб. Кремлевский гарнизон. Отличник боевой и политической подготовки, так под фотографией и написано. До сих пор берет двухпудовую гирю и держит ее на вытянутой руке.

– Кого ты хочешь наказать?! Кого?!

– Ладно, – примирительно сказал отец. – Позвоню Лернеру, пусть группу пошлет. Должны же они хоть что-то делать, не все им кирпичи об голову ломать.

– Позвони-позвони, – посоветовала мать. – А сам не смей.

– Позвоню…

Вернулась Алька. Она волочила за руку Мелкого, Мелкий сопротивлялся. Алька сунула его в руки матери.

– Так как у тебя дела? – отец снова поглядел на Альку.

Опять очень осторожно.

– Да нормально, – ответила она.

– Что с доктором? – спросил отец. – Ты подумала?

– А что с доктором? С доктором все отлично. Мне стало гораздо легче. Доктор просто Айболит.

– В каком смысле Айболит? – спросил отец.

– Он же ветеринар по образованию, – сообщила Алька.

– Кто ветеринар?

Отец и мать переглянулись.

– Ну, доктор. Этот, ментальный костоправ. Он мне сам рассказал.

Я тоже ничего не понимал, но мне переглянуться было не с кем. Мать и отец собирались сводить Альку к психотерапевту, но я не знал, что он сам к нам уже ходит. Хотя это похоже на родителей.

– Он сам рассказал.

– Что рассказал? – отец почесал голову.

– Что закончил Тамбовский ветеринарный институт. По специализации «стоматология крупного рогатого скота». Но это совсем не приносило доходов, вот он и переквалифицировался в психолога.

Отец и мать снова переглянулись. У матери дернулась щека.

– Да нет, шучу, он какие-то курсы по Интернету вроде закончил… – продолжала Алька. – Дистанционное образование, все такое…

Я хихикнул. Мне кажется, она, как всегда, врала, психолог из ветеринарного техникума, как же. Но, видимо, родители уже совсем утратили чувство юмора, все родители рано или поздно его теряют.

– Он, кстати, еще пиявками лечит. Может, и пиявок закажем, а?

Спросила Алька.

– Пиявок… – мать растерянно огляделась. – Давай в следующий раз? Нет, если ты хочешь, мы закажем…

Алька хихикнула. Видимо, представила себя с пиявками.

– Аглая, мы всерьез обеспокоены, – сказала мать. – То, что случилось с тобой…

– Да ничего не случилось! – перебила Алька. – Ничего такого ужасного.

– Но ведь травма…

– Нет у меня никакой травмы! – рявкнула Алька.

Отец еще раз поглядел на меня с пронзительностью, ну, да, я виноват, виноват, что мне теперь, об стену каждый день ушибаться?

– Да нет у меня никакой травмы, – уже спокойнее повторила Алька. – Я даже испугаться толком не успела, какая травма? Зря вы и доктора вызвали, на самом деле зря… Ну да ладно, он прикольный.

Это она, конечно, врет. Испугалась. И я испугался. Тут любой бы испугался. Но мне кажется, дело несколько в другом. Алька не то что не испугалась, она просто не поверила. Это было слишком… неправдоподобно. Это совсем не состыковывалось с нашим миром, мы шли себе, шли, и вдруг немного шагнули в сторону и зацепили другое. Совсем другое. На заброшенной дачной улице мы встретили… пришельцев, наверное, отец правильно сказал. Злых, голодных нелюдей с альфы Центавра. Центавров.

Это были не люди, это были плохие инопланетяне. Напали, схватили… А инопланетян не бывает. Ктулху бывает, а инопланетяне нет.

– Ладно, об этом мы потом поговорим, – сказала мать. – Это такое дело, тут не стоит торопиться…

Алька прищелкнула языком. Позитивный она человек, завидую ей. Инопланетян не бывает. Никогда.

– А ты… Ты…

Отец повернулся ко мне. Сощурился.

– Да знаю я, – опередил я. – Дурак. Кретин. Идиот. В моем возрасте можно уже начать думать.

– Вот именно, – покачал головой отец. – Пора уже начать думать.

Он потрепал за щеку Мелкого и вышел. На работу ему пора, и так уже задержался.

– Надо все-таки определить собаке место, – сказала мать. – Кто знает, где надо держать собаку?

Мы пожали плечами.

– Пусть она у меня в комнате спит, – предложила Алька. – У батареи как раз.

– У батареи нельзя, – тут же возразила мать. – Она приучится жить в теплоте, а потом на улице будет болеть. Нужно у стены. А почему она должна спать у тебя в комнате? Ты что, боишься одна оставаться?

– Да не боюсь я одна, – устало объяснила Алька. – Не боюсь. Чего мне здесь бояться? Просто собака… мне нравится. Мне с ней рядом хорошо, мне с ней… надежно. Она урчит, а я засыпаю. А потом, от нее пахнет хорошо.

– От собаки? – удивилась мать.

– Ага. Валенками. С ней уютно очень, хорошо. Пусть она у меня в старом кресле спит, оно все равно…

– Собаке в кресле нельзя, – запретила мать. – От этого кресла у нее будет искривление позвоночника.

Она всегда. Всегда знает, отчего у кого бывает искривление. Алька говорит, что это у матери от филфака, там все всё знают.

– Понятно, – обреченно вздохнула мать. – Никто не представляет, как правильно содержать животное. Всегда подозревала, что мои дети – бестолковые. Придется все самой, как обычно. Хотела завтра идти по магазинам, но, видимо,

придется сейчас. Почему ничего нельзя отложить на завтра? Почему все нужно сделать сегодня? Даже у собаки есть жизнь! У меня этой жизни совсем нету.

Мать посмотрела на полку с травами. Ей хотелось чая и компресс на затылок. Но дело прежде всего.

– Так, даю вам пятнадцать минут на сборы, – сказала мать. – Через пятнадцать минут чтоб были готовы. Без вопросов.

Мать удалилась с Мелким под мышкой. Алька удалилась. Собака тоже подумала чуть и удалилась. А мне готовиться нечего, я и так всегда готов. Вышел во двор.

У нас хорошо. Участок уходит к реке под небольшим уклоном, и на всем этом уклоне мать высадила кедры, они дают полезные фитонциды. Молоденькие кедры, невысокие, но очень красивые, привезенные из Сибири. Рассажены далеко друг от друга, отчего создается ощущение простора, прямо с крыльца попадаешь в лес. А чуть подальше и настоящий лес, и река, и поле, хорошо. Ветер иногда пахнет травой, или водой, или грибами. Летом, когда тепло, я в нашем парке даже ночую. В гамаке. У нас есть фонарь; если его включить, то сразу прилетают летучие мыши, носятся вокруг света, пищат и отпугивают комаров.

– Игорь.

Я оглянулся.

Отец, оказывается, не уехал, сидел в машине. Поманил меня пальцем.

Открыл дверцу, сел рядом. Внутри было холодно, кондиционер работал на полную, стужа, у меня даже нос зачесался. Отец сидел, читал пособие по нахлыстовой ловле.

– И что ты такой бестолковый? – спросил отец, не отрываясь от разглядывания картинок.

Это был не риторический вопрос, это ему на самом деле интересно. Я промолчал.

– Надеюсь, этого не повторится?

Я опять промолчал. Я и так каждый день обещаю, что не повторится.

– Понятно, – сказал отец. – Что думаешь летом делать?

– Не знаю.

– Не знаешь. Подумал бы. Последнее лето, между прочим.

Это да, про это я еще с сентября слышу. Что предпоследний год, что последнее лето, а потом раз – и взрослая жизнь, и уже все, и нет пути назад. Ну да, предпоследний год, ну да, последнее лето. И что? Срочно искать смысл жизни?

– Так что ты думаешь делать?

Это тоже вопрос не риторический. Тоже промолчал.

– Насчет политехнического думал? – спросил отец.

– Думал.

Я на самом деле думал. Политехнический – это хорошо. А самое главное, я туда вполне поступлю, там вроде несложно.

– Политехнический – это хорошо.

– А медицинский? Не хочешь попробовать?

– Медицинский тоже хорошо.

– Хорошо… А тебе самому-то что хочется?

Самый популярный вопрос в моей жизни.

– Политехнический ничего…

Политехнический лучше медицинского. Наверное.

– Понятно, – поморщился отец. – На западном фронте без перемен. Ладно, думай.

– Я думаю.

– Думает он… Что с собакой решили?

– Хорошая собака.

– Хорошая собака, – согласился отец. – И очень серьезная собака, она требует ответственности, ты хоть понимаешь?

– Я буду с ней гулять.

– Гулять он будет… У тебя рыбки в аквариуме засохли.

– Буду гулять, – сказал я упрямо. – Буду.

– Ладно. Поглядим.

Отец достал из бардачка эвкалиптовые леденцы, пожевал. Это он у матери перенял – леденцы.

– Конечно, стоило тебе по шее настучать за такое, – сказал он негромко. – Но поздно уже. Все могло ведь закончиться совсем по-другому. Ты представляешь, насколько по-другому? Это ты хоть понимаешь?

– Понимаю, – кивнул я.

– Конечно, Аделина тоже виновата. У нее-то мозги должны быть, взрослая вроде уже. Но с ней сейчас бесполезно говорить, она вся в облаках… Слава богу, эта псина подоспела. Как ее зовут, кстати?

– Не знаю. Собака.

– Сам ты собака… Ты за ней ничего не замечал? – спросил отец осторожно.

– За кем? – не понял я.

– За Алей.

– Не знаю. Нет вроде. А чего?

– Ты это… – Отец стал вдруг смотреть в сторону. – Если вдруг чего… Ты не очень удивляйся. Не подавай виду.

– В каком смысле? – снова не понял я.

– У нее сильный испуг. В таком состоянии сознание включает защитные механизмы, они могут по-разному…

Отец замолчал на секунду.

– Ладно, мне пора на работу, а ты думай, – сказал он.

Отец открыл дверь и выпроводил меня из машины. Постоял, погазовал немного и укатил, оставив меня возле гаража.

Вообще, я не знаю, как к этому относиться. К тому, что произошло.

Честно, не знаю.

Пытался определить, так вот добросовестно пытался, сидел, думал, и не смог. В жизни много разных событий, и к каждому из них я знал, как относиться.

Первая поездка на велосипеде. Не самая первая, а та, где я уже не падал на бок, а вполне себе крутил педали. Радость. Я ее до сих пор помню.

Каникулы на Золотом Берегу. Тарзанка, уха с комарами, плотина, выстроенная поперек ручья, палатку чуть не затопили. Первый рассвет, который я увидел вживую. Дохлая лиса. Ощущение того, что мир огромен и красив, несмотря на дохлую лису.

Аня Крыкова, девочка, с которой я подружился в детском саду и с которой мы хоронили под акацией ее хомячка. Аня плакала, а я нет, я стоял рядом и ощущал себя взрослым, жестким и ответственным. Мужчиной.

Перелет в Иркутск – матери тогда приспичило отдохнуть на Байкале – и невыпуск шасси. И яростное предчувствие того, что все обойдется. Что обязательно все будет хорошо, что солнце, пробивающееся через иллюминаторы, не погаснет, я и сейчас могу прекрасно увидеть это солнце – достаточно закрыть глаза и чуть-чуть захотеть.

Я помнил эти случаи, и для каждого этого события в моей голове имелся соответствующий ярлычок, и мысли, связанные с этими событиями, опрятно лежали на нужных полочках.

А к тому, что произошло недавно…

Я не знал, что про это думать, как чувствовать и как с этим жить.

Единственное похожее ощущение, пожалуй…

В третьем классе Аделина меня связала и спрятала под диван. Что-то я ей тогда сделал неприятное, кажется, волосы склеил пластилином, и это перед самым Новым годом. Аделина пришла в бешенство и целый час гонялась за мной по всему дому. Я довольно успешно уворачивался, пока не запнулся за ковер. Аделина настигла меня и связала полотенцами, хотя я и сопротивлялся. Но Аделина оказалась мощнее, она тогда еще не диетилась и такая крепышечная барышня была, уже лучница. А потом пришли ее подружки и учинили надо мной безобразия. Раскрасили своими помадами и тенями, обвешали бусами и сережками и сняли все это на видео.

И еще потом полгода шантажировали меня угрозой выкладки в Сети, заставляли мыть посуду и пылесосить.

Я, конечно, на Аделину очень рассердился, поклялся страшно отомстить. А вот тогда, сразу…

Тогда, после того как Аделинины подружки раскрасили меня помадой и грозились выложить на Тубе, я тоже не знал и был растерян.

То, что случилось с нами в Горюново, было, конечно, гораздо хуже, но ощущения примерно такие же.

Только сильнее.

– Эй, – Алька подергала меня за руку. – Эй, пойдем, мы решили в «Неомарт». Будем собачью упряжь искать.

– Какую еще упряжь… – не понял я.

Тут я понял какую. Собака стояла рядом с Алькой и… На шее у нее болтался ошейник, связанный из пояса от банного халата. Нарядный такой получился ошейник, с розочками, очень такой собаке шел. В качестве поводка к этому ошейнику выступал шнур от декоративного звонка, золотистый и витой. Алька держала этот шнур в руках и вовсю старалась походить на собаковладелицу. Собака не сопротивлялась, вела себя как обычная собака на поводке.

– Надо купить поводок, ошейник и намордник, – сказала Алька. – Надо купить миску, подставку под миску, поилку, попонку…

Алька перечислила еще несколько аксессуаров, просто необходимых для счастливой собачьей жизни, включая особые автоматические гильотинки для обрезки ногтей. Я не стал сомневаться в необходимости всех этих предметов, я просто опасался, что эта поездка может растянуться на весь остаток дня. В «Неомарте» четыре больших зоомагазина и один небольшой зоосупермаркет. Бродить по ним и сравнивать чесалки и поилки мне совсем не хотелось.

На крыльце показалась мать с Мелким. На Мелком красовалась эластичная шлейка, на голове пробковый шлем, предохраняющий от ушибов, Мелкий сам походил на собаку, он то и дело натягивал поводок и пытался сорваться с цепи. Мелкий нас удивит, я это предчувствую. И мать, наверное, этого тоже опасается

– держит его в строгом ошейнике уже сейчас.

– Намордника не хватает, – пошутил я. – Надо сразу два купить, один Мелкому, другой собаке. Мелкому нужней.

– Вот и подберешь.

И направилась к минивэну. Алька с собакой потянулись за ней.

– Нет, – остановила их мать. – Собака не поедет. Собака без намордника, а без намордника в «Неомарт» никого не пускают. Оставим ее дома.

Алька тоже не стала спорить. Конечно, ей нечего было опасаться материнского гнева, но Алька политик, если она не спорит сейчас, то, значит, собирается взять свое в другое время. Отвела собаку домой.

Мы поехали.

Мелкий был сегодня в ударе. Отстегивался от детского кресла, старался вырваться и громко кричал «а-а–а», так что первую часть пути нам с Алькой приходилось держать его за руки. Во второй части Мелкий коварно наделал в штаны. Мы ехали по трассе, остановиться было негде, поездка началась удачно. Впрочем, закончилась тоже. Но не будем.

Торговый центр «Неомарт», как любой уважающий себя торговый центр, располагался за городом. Кинотеатр, магазины, фитнес, все в одном месте, и автостоянка большая. Мы сюда каждую субботу приезжаем. Мать забивает минивэн провизией на неделю, Мелкий сидит в джангл-гартене, Алька ходит в кино или гамбургеры жует, а я не знаю, что делать, брожу туда-сюда. В атриуме сижу с планшеткой, смотрю, как другие такие же сидят в атриуме с планшеткой. Нет, я от всего этого с удовольствием вообще отбрыкался бы, но суббота – семейный день, его принято проводить вместе. Лучше всего, конечно, отцу. Он или работает в этот день, или, если все-таки попадает в сети «Неомарта», сидит в «Подвале». Там пивные автоматы, бутерброды с засохшим сыром, «Синяя птица» играет, атмосфера семидесятых, короче, тухлое ретро и лиц моложе восемнадцати лет не пускают.

Сегодня мы прибыли в маркет со вполне определенными целями, мать сверилась с навигатором и сразу же отправилась в самый престижный зоомагазин, где продавали лучшие принадлежности для животных, самые натуральные корма, самую чистую воду. Мать немедленно приступила к выбору. Велела принести лучшие поводки и лучшие ошейники, и чтобы только Европа, никакого Китая. Принесли. Ошейники и надувную собаку для примерки. И стали примерять. Разумеется, матери ничего не нравилось, все ошейники были не настолько лучшие, черт-те что, а не ошейники, дрянь, а не намордники…

Продавец терпеливо объяснял, что не дрянь, Алька поддакивала то матери, то продавцу, проснувшийся Мелкий отошел в сторону и прилип к огромному аквариуму с пираньями, почуял родственные души.

Мать относилась к делу выбора серьезно, каждый поводок проверяла на разрыв, крепила его к стояку и повисала всем весом, поводки держали, но мать все равно была недовольна.

Я не мог выносить это безумие дальше и подмигнул Альке, чтобы она мне позвонила. Она позвонила, я ответил, сделал вид, что мне срочно нужно зайти к Громову – мы с ним вместе учимся – за новыми заданиями по летнему факультативу. Мать поглядела на меня с сомнением, но Алька подоспела на помощь, сказала, что я тут только мешаю своим пыхтеньем и тупым видом, лично она не может вообще ходить по магазинам с мужчинами. Мать поглядела на меня с подозрением еще раз, но с Алькиными доводами согласилась, я сказал, что буду дома к шести, и отвалил, пусть без меня ошейник со стразами выбирают.

Решил двинуть домой, а чем заняться, по пути придумать, может, спать лечь. Дома никого, тихо, как лягу, так и до вечера задавлю. Свежим воздухом дышать как-то не хочется после Горюнова. Нет, отец съездил в оружейный магазин, купил газовых баллончиков, электрошокеров и экстренных браслетов с GPS-модулями и паник-кнопками, и теперь у меня в карманах были и баллон и шокер, но все равно особо гулять не хотелось. Нагулялся.

В атриуме, как всегда, скучали субботние лодыри, по причине майских праздников сидящие здесь и в будни. Лодыри сосредоточенно елозили пальцами по планшеткам, пили кофе и шоколад из бумажных стаканчиков, жевали резиновые пирожки, никого вокруг не замечали. В центре, рядом с бассейном, клоун развлекал детсадовцев воздушными пузырями. Промо-девушка завлекала

народ попробовать свеженький смарт и тут же купить его со скидкой, я неудачно оказался у девушки на пути и по ее решительным глазам понял, что не отвернуть, и приготовился выслушать ее многострадальное промо…

Но тут возник Громов.

Вот вспомнил Громова, а он и тут. Нет, в мыслях нужно быть осторожнее, мысли – опасные штуки. А уж вслух говорить…

Не знаю, откуда он взялся. Хотя знаю, конечно, Громов тоже планшетный лодырь и тоже любит посидеть в атриуме. Попить шоколад, пожевать пирожки, поглазеть на промо-девушек. Потроллить промо-девушек, это, кстати, легко, а иногда и весело, ну, поначалу, во всяком случае. Она тебе про планшет самозабвенно вещает, а ты ее про мясорубку тупо в ответ спрашиваешь. Или интересуешься, допустим: «А на вашем смартфоне USB-хост или USB-клиент?» Таких тонкостей девушка, конечно, не знает, краснеет, плывет, а ты… то есть Громов, конечно, удовольствие испытывает.

– Привет, – сказал Громов, пряча в чехол мобильник. – Ты чего здесь?

– А ты чего? Вы же вроде бы на дачу переехали.

– Отбился. Слушай, камрад, пойдем на Кукуй, а? Там сегодня «Анаболики» выступают, у меня три флаера.

Громов извлек из рюкзака флаеры. Действительно, «Анаболик Бомберс». Они в прошлом году уже приезжали, ничего группа, веселая. На песне «Томатос Деспердатор» в солиста можно было кидать помидорами, их специально перед концертом продавали. Народ восхищался. Кстати, Алька «Анаболиков» тоже уважает, конечно, не так, как «Blind Guardian», но все-таки. Правда, на концерты «Анаболиков» до четырнадцати лет не пускают, так что Альке еще подрасти чуток.

– А третий кто? – спросил я.

– Третьего найдем по пути, не беспокойся, камрад. И вообще, хорошо проведем время.

Насчет третьего я весьма опасался. Потому что у Громова имелись свои представления о том, как хорошо проводить время.

Мосье Громов, кажется, был неординарным человеком. Вроде как. Вокруг меня полно неординарных людей, так и роятся. Мать спасает мир и вообще и в частности, папа вяжет мушек из щетины белого медведя, сестра Аглая пишет пьесу «Мой друг Ктулху», сестра Аделина стреляет из лука по кабанам, брат Мелкий… Мелкий еще себя не проявил, но в нем тоже что-то есть, я в этом больше чем уверен. Он себе на уме, он думает в своем направлении.

А я вот нет. То есть я не определился.

Глава 3

Концерт с идиоткой

Этой весной я стал злобнее. Так получилось. Я хотел куда-нибудь скрыться на майские праздники. Думал, в лагерь, к морю, что ли.

Во-первых, на майские праздники собиралась приехать Аделина, что само по себе неприятно, – это раз.

Во-вторых, на майские праздники собиралась приехать тетя Галя из Таллина – это два. Тетя Галя, само собой, с дядей Толей, они пять лет назад выправили паспорта и теперь чувствовали себя европейцами, со всеми вытекающими невыносимостями. Тетя Галя говорила с европейским акцентом, а дядя Толя говорил, что мне надо обязательно поступить в Тартуский университет, получить нормальное образование.

Кстати, Аделина собиралась приехать со своим женихом Симбирцевым, это тоже мне не нравилось.

Кроме того, на майские праздники приходился мой день рождения, который я не очень любил и всякими способами старался от его празднования отпинаться.

Одним словом, поводов съездить в лагерь было больше чем достаточно, я посмотрел отзывы в Интернете и понял, что лагерь – это то, что мне надо.

Отец был не против, он сам бывал в приморских лагерях, правда, давно, но все равно вернулся с самыми радужными воспоминаниями. Море, лягушки квакают, горы, дельфины приплывают к берегу, рассветы-закаты, самоволки в холмы, жареные улитки, печеная картошка, слипшиеся ириски. Хоть сейчас бы еще съездил, ну, отец то есть.

Мать тоже была «за», во всяком случае поначалу. Потому что там воздух, потому что там море и здоровое питание. Я начал готовиться к броску на юг. Купил походный мешок, купил бинокль и швейцарский нож, купил набор первой помощи, ласты, маску и леску для донок. Но тут мать передумала.

Она, оказывается, тоже зря времени не теряла. Читала отзывы, изучала форумы, составляла мнение, и это мнение сложилось отрицательное. Мать решила, что лагерь – не лучшее для меня место. По целому ряду серьезнейших причин.

Во-первых, жизнь в лагере нивелирует человеческую личность и открывает в человеке не самые приятные качества, вот у одной женщины сын отправился в лагерь нормальным, а вернулся злобным драчуном, хулиганом и сквернословом.

Во-вторых, в позапрошлом году у другой женщины мальчик поехал в лагерь, сломал там руку, а срослась она неправильно, и теперь он не может играть на пианино, а может только на балалайке.

В-третьих, во многих лагерях процветает дисциплинарная система воспитания, которая способна в самые короткие сроки поменять человека кардинально. У одной женщины ребенок поехал в оздоровительный лагерь, а через два месяца вернулся патриотом.

Было еще и в-четвертых, я забыл что именно, наверняка тоже что-то ужасное, нападение афалин-убийц и ядовитых рогатых жаб, схождение с гор селей и оползней, крушение враждебного НЛО, ну, мало ли обстоятельств, достаточных для того, чтобы не ездить в лагерь? Одним словом, отправлять меня в эту обитель первобытного зла было решительно невозможно.

Я пытался возражать.

Говорил, что мне НЛО не страшен, я в него не верю, ну, если что, отстреляюсь из рогатки. Что на пианино я играть не собираюсь, у меня вообще нет слуха, и к балалайке холоден, и к гуслям. А что касается сквернословия и прочих неприятностей, то это может случиться с каждым…

Но мать уже все решила.

Отец не стал спорить, сказал, что май, кажется, собирается славный, что нам будет интересно поездить наконец-то по окрестным озерам и ручьям с нахлыстом, что он меня научит и все такое прочее.

Я рассердился.

Отказано мне было по совсем надуманным причинам, просто так, можно сказать, из-за каприза. Я попробовал отстоять свои права, но мать отступать не умела. Я остался дома. К счастью, тетя Галя и дядя Толя не приехали.

Но самое обидное случилось потом. Просматривая форумы, посвященные лагерным историям, я наткнулся на сообщение ubermomm74. Убермама разместила пост – «10 причин, почему я не отправила своего сына в лагерь». Шестой причиной было безволие сына Убермамы. Седьмой причиной была ведомость сына Убермамы и склонность его примыкать к волевым негодяям.

Восьмой причиной было то, что я…

Сплошное вранье, никогда такого со мной не происходило. Во всяком случае, с третьего класса точно. А мало ли что с людьми случается в третьем классе? Что ж, их теперь всю жизнь за это упрекать?

Говорить же о том, кто скрывался под ником ubermomm74, наверное, излишне. Кстати, пост Убермамы прочитала и Аделина. И не только прочитала, но и творчески переосмыслила, выложив у себя в блоге раздумья на тему «Брат как недоразумение: 10 причин, почему нужно бычить младших братьев».

Ну да отвлекся. Вот это я о чем. Этой весной я стал и еще злобнее. Поэтому, увидев Громова, я совсем не обрадовался старому приятелю. Впрочем, Громову, насколько я понимал, вообще никто особо не радовался. Радуется человек,

вляпавшись в коровью лепешку? Во-во.

Хотя Громов был вроде как неординарной личностью.

А может, и нет, сейчас ведь сложно понять. Бывает, что самые отмороженные фрики в повседневной жизни скучны и заурядны. Вообще, сейчас ни в чем нельзя быть уверенным. Громов выглядел вроде оригинально, а как там на самом деле…

Он никогда не смотрел никому в глаза, взгляд его как бы ощупывал по контуру, не цепляясь, не задерживаясь, описывая вокруг тебя эллипсы и восьмерки. Поэтому людям, с Громовым не знакомым, немедленно начинало казаться, что именно Громов на прошлой неделе украл у них в автобусе мобильник. Что именно он, проходя мимо столика, плюнул в молочный коктейль, когда они отвернулись. Что именно он приклеил им на спину объявление «Бей меня ногами». Каждый, кто видел Громова, начинал его подозревать. И небезосновательно. Нет, Громов не крал, не плевал и не писал, ни на спине, ни на заборе, он противостоял натиску действительности другими способами.

Громов был системным борцом с системой. Причем, судя по всему, с младых ногтей. С детского садика или даже с пеленок, наверняка он не терпел пеленаться, свободолюбиво брыкал ногами, а в садике отказывался есть суп, ну и так далее. И противостояние «Мир vs Громов» наложило на Громова отпечаток. В виде чуть кривоватого рта, маленьких юрких глазок и пухленьких ладошек, короче, девушки таких не любят. Что усугубляло. Что пробуждало фантазию.

Себя Громов называл лайф-хакером, сталкером бетонных джунглей, барракудой, рассекающей жирный планктон экзистенции, идейным троллем бытия, Зорро пыльных окраин и еще как-то. И столь высокие идейные установки Громов относительно успешно претворял в жизнь.

Например, забирал утром в подъезде бесплатные газеты, а потом умудрялся продавать их по офисам. А в офисах отщипывал от редких цветов листочки и выращивал из них цветы, которые потом продавал в эти же офисы. Громов вообще любил работать с офисами, именно там, по его уверениям, обитали самые незамутненные люди.

Громов посещал все дегустации, от печенья, до колбасы и кетчупов, и умудрялся на этих дегустациях наедаться на два дня.

Нашел в недалекой и вымершей деревне Рыжово столб с рабочим междугородным телефоном, который забыли поменять на карточный. Обычный человек равнодушно прошел бы мимо, обычный да, но не Громов. Громов не поленился, отыскал в Интернете схему особой звонилки, согнул ее из проволоки и испытал. Вполне успешно. После чего Громов периодически в Рыжово наведывался, чтобы бесплатно позвонить. Во Владивосток – оскорбить бухгалтера в логистической фирме или заказать пиццу в школу олимпийского резерва по гребле. В Калининград, в Дом дружбы народов, чтобы проклясть на немецком языке оккупантов и сказать, что Кёниг вернется законным хозяевам. В Хатангу, в Кемерово, в… Особой выгоды это не приносило, но Громова пьянил аромат халявы.

Вообще, по уверениям Громова, однажды он прожил целый месяц, не потратив ни рубля, напротив, совершил приращения к своему капиталу, размещая на сайте анорексиков видеорепортаж собственного похудения. Родители не заметили, потому что плотно занимались разводом, а потом наоборот, сводом. Врал, наверное. Хотя с Громова может статься, Громов совершил еще много деяний разной степени бестолковости, от отращивания на продажу волос до разведения шиншилл для шуб.

Кстати, периодически Громов вовлекал в свои приключения и посторонних, меня, например. Не потому, что мне хотелось наесться дармовой колбасы или обругать маникюршу в Хабаровске, просто иногда Громов придумывал и забавное. Например, собирал подписи в поддержку переименования улицы Станционной в Волдемортовскую или от имени городской администрации производил благотворительную приемку ногтей. Якобы по последним исследованиям британских ученых из ногтей можно было выделять ценный фермент, способствующий омоложению, весь сбор от реализованных ногтей Громов собирался передать в пользу приюта для бездомных животных «Муму». Что характерно, ногтей мы собрали почти два килограмма, полную трехлитровую банку, сначала эти ногти омерзительно стояли у Громова на подоконнике, а когда они окончательно засохли и скрючились, Гром залил их эпоксидной смолой. Получилась янтарная банка, заполненная черными ногтями, все это безобразие Громов наименовал «Valgalla Rising» и выставил на аукцион современного искусства.

И какой-то идиот купил. Если Громов не врал. А мог и врать.

После этого случая Громов серьезно подумывал податься в художники, но потом решил, что актуальное искусство сильно обуржуазилось, не к лицу ему, практически уже Че Геваре, думать о мелком и подлом.

– Сегодня новенькое, камрад, – ухмыльнулся Громов. – Тебе понравится. Все лучшее – детям.

В прошлый раз все лучшее детям мне не очень понравилось. Громов предложил нарядиться менонитами и отправиться с миссионерской миссией в эМСи «Псы Сталинграда». А я, дурак, согласился, думал, что эМСи – это музыкальное кафе. Реальность оказалась суровее. эМСи если и имели отношение к музыке, то весьма отдаленное, только на подходе к эМСи, увидев нескольких пузатых мужиков на мотоциклах, я осознал, что эМСи есть мотоклуб. И Гром собирается нести свет истины не кому-нибудь, а тру байкерам. Впрочем, обошлось. Нас уже почти собрались вывалять в перьях и забросить на крышу нужника, но, к счастью, в клуб заглянул Юрыч из «Plios Corcodiles», знакомый мне по благотворительным рейдам. Он нас и спас, объяснил товарищам, что это такая шутка, добрый флешмоб неразумных недорослей, ну и все такое, в результате отделались малой кровью, приняли участие в конкурсе поедания тушенки, вот и все. Ну, еще поклялись на ПТС М-72 по совершеннолетии вступить в байкеры.

Так что уверениям Грома, что мне понравится, я не очень верил. Собственно, я мог послать его, Гром не был моим другом, а приключений мне в последнее время хватало. Но если действительно приезжали «Анаболики», то пропустить их не хотелось. Дремучая группа. Настоящая.

– Ладно, – сказал я. – Пойдем.

– Нужен третий, – ухмыльнулся Гром. – То есть третья. Сегодня, камрад, я склонен к французской классике, хочу устроить вечер с придурком. То есть с дурой, конечно, какой нам смысл с придурком, правда? С дурой интереснее.

Я пожал плечами. Особого энтузиазма по поводу дур я не испытывал, что такое вечер с дурой, представлял плохо.

– Короче, это реальный тренд, – сообщил Гром. – Из Европы к нам пришел, там вечер с придурком самое но. Сейчас все так прикалываются, особенно в Москве, в Питере. Находят болвана, дружатся с ним, приглашают в кафе или в клуб, ну а там над этим бараном глумятся по полной. Но надо глумиться так, чтобы он не догадался, в этом фишка. Как?

Гром ухмыльнулся.

Я задумался. Дураков я не любил. Дур, надо признаться, тоже. И потом, где на ровном месте добыть дуру?

Видимо, Гром прочитал на моем лице этот вопрос, и, видимо, он имел заготовленный ответ, поэтому сказал сразу:

– Да их хоть соли. Хоть маринуй. Их девать некуда. Они кишат, как на барбосе блохи!

Я огляделся. Пожалуй. Не то чтобы кишели, но парочку я сразу приметил, ничего такие, вполне, качественные, хоть на выставку отправляй. А может, и нет, я в людях не очень.

– Только здесь не будем искать, – скептически помотал головой Громов. – Это слишком просто, а я не приемлю легких путей. Поедем в город.

– За дурами?

– Ага. Все равно «Анаболики» на Кукуе выступают, так что лучше там найти, неподалеку, чем отсюда тащить. И потом здесь…

Громов презрительно поглядел в сторону атриума.

– Здесь дуры не той системы. Поехали! Сейчас бесплатная маршрутка приедет и отвезет нас в царство кристальной незамутненности. Да здравствуют «Анаболики».

И Громов быстро пошагал в сторону выхода, к остановке.

Громов оказался прав – едва мы подошли к остановке, как прибыл челнок торгового центра, в него ринулся было люд, но Громов раздвинул его широкой спиной и вошел в маршрутку первым, занял место возле окна и принялся рассказывать свою теорию.

– Вообще правильно говорить, конечно, не дуры – это нетолерантно, – рассуждал Громов. – Правильно говорить альтернативно-одаренные. Сокращенно АО. АО неистребимы, как звезды. Они есть везде. Но особенно их много в нашем городе. Чего уж там, практически каждая вторая предъявляет повышенный уровень АО…

Пассажиры смотрели на него без интереса, мало ли какая рвань в маршрутках катается, а вот красивая девушка напротив поглядывала с вызовом и раздражением. Это подзадоривало Громова, он рассказывал про то, что по результатам независимого исследования самый большой процент АО встречается среди студенток гуманитарных вузов, что же касается нашего города, то наибольшие показатели АО дает юридическая академия и институт управления, что опять же неудивительно…

– Это совсем неудивительно. Раньше в нашей губернии было очень много женских тюрем, – рассуждал Гром. – Еще до революции, нам на краеведении рассказывали. Мужиков на каторгу на Сахалин отправляли, а женщин сюда. И все эти женщины были самого четвертого сорта: приземистые, злые, неграмотные и социально опасные. Вот они свою десятку отбывали, а потом, конечно, у нас в губернии оставались. И шли работать в текстильную промышленность. А потом, уже в советское время, на стройку каскада ГЭС. Само собой, бестолковость с каждым годом увеличивалась количественно и росла качественно, и вот теперь…

Девушка закашлялась.

– Вот и девушка подтверждает, – указал Гром на студентку. – Правда, девушка? Вы, наверное, студентка?

Студентка отвернулась.

– Девушка, пойдемте с нами на «Анаболиков», – продолжал приставать Гром. – Там можно кидаться помидорами и ковыряться в носу. Вам понравится, я же

вижу.

Девушка терпела.

– Это бесплатно, не переживайте. Вы стихи любите? Мой камрад Мондрыкин… – Гром кивнул на меня. – Тоже стихи сочиняет. Буря густо мглою кроет и все такое…

Девушка терпела.

– Он купит вам эскимо.

Перед остановкой «Теплоуниверситет» девушка поднялась с места и стала продвигаться к выходу, Громов немедленно выставил ноги и руки, ноги, чтобы девушка запнулась, руки, чтобы девушку поймать. Девушка с трудом пробиралась между конечностями Громова, но все-таки смогла удержаться на ногах и не попасть в громовские объятия.

– Уроды, – сказала она перед тем, как захлопнуть дверь. – Школота поганая…

– Лечись зеленкой, – успел ответствовать ей Громов.

– Не хлопайте дверью, – с ненавистью рыкнул водитель.

Маршрутка покатила дальше. Девушка сошла, приставать было не к кому, Гром грустил и рассказывал мне о своем брате, живущем в Новой Зеландии, брат поехал на экскурсию по местам «Властелина Колец» и заразился рожей, но не простой, а земляной, какой только хоббиты болеют…

Вышли за две остановки до Кукуя, чтобы подыскать спутницу на концерт. Девушек вокруг было мало, Гром предложил подкарауливать их возле бочки с квасом, попробовали, но нарвались на ос. Пытались знакомиться возле остановки – тоже безуспешно. После чего Гром решил познакомиться с девчонками, рекламирующими золото со скидками, погнала охрана. Гром отчаялся и думал уже вручить третий флаер первой попавшейся прелестнице, но тут мы услышали странные звуки. Что-то такое… Спортивное. Похоже на рев футбольных дудок.

Мы вышли из-за угла и увидели странное. То ли пикет, то ли… Короче, две девчонки расположились напротив магазина «Ручеек» и вовсю дудели в длинные зеленые трубы. Кажется, пластмассовые. Девчонки были непохожие, одна сильно повыше и потоньше, а другая, та, что пониже, обычная такая. Та, что повыше, при дудении в трубы стучала в колокол, а та, что обычная, била в цыганский бубен. Вместе они издавали так много шума, что умудрялись даже перекрывать гул дорожного движения. А еще вокруг девчонок стояли плакаты, которые из-за дальности я прочитать не смог.

– Это что? – спросил я.

– Это песня, – ответил Гром зажмурившись. – Пиршество духа, честное слово. Я имею в виду этих красавиц.

Мы остановились под липами, смотрели на представление. Девицы гремели и гудели громко, обращали на себя внимание.

– Смотри, какие, – указал Громов. – Не, просто супер, отборные, лакшери!

Я поглядел на девчонок. Какой-то особой отборности я не заметил, ну, стоят с трубами, ну, дудят иногда зачем-то.

– Вувузельщицы, – сказал с каким-то удовлетворением Громов.

– Кто? – не понял я.

– Вувузельщицы, – повторил Гром. – Эти дудки – вувузелы, в них на футболе дуют. А девки из «Булата», у них тут акция.

– Из «Булата»? – не понял я.

– Ну да, из «Булата», это банда такая при губернаторе. «Булат-Бушлат». Молодежь с активной жизненной позицией, спортсмены-омбудсмены. Короче, пионэры, Тимур, его команда и вурдалаки. Слышал про таких?

– Читал в детстве. Старушек через дорогу переводят?

– И старушек, и молодушек, и вообще. Отпетые ребята. Борются с безнравственностью. Какую выберем?

– Ты что, их хочешь пригласить?!

Я удивился.

– Ага, – ухмыльнулся Гром. – Ну, не обеих, конечно, одну. Давай, выбирай. Какая тебе больше нравится?

Я посмотрел на девчонок с дудками. В комплекте с этими дурацкими зелеными трубами, в которые они то и дело дудели, красавицы выглядели… пригородно, так бы я сказал. Та, что была в клетчатой рубахе, казалась… как-то побезопаснее, и я выбрал ее.

– Клетчатую выбираю, – сказал я.

Гром прищурился.

– Клетчатая не пойдет, – сказал он. – Лучше мелкую.

– Почему мелкую? – удивился я.

– Длинной на концерте будет все хорошо видно, а тебе нет. Будешь мучиться. А с низенькой наоборот. Купишь ей в спорттоварах табуреточку, поставишь…

Гром гадко засмеялся.

– Вообще, лучше бы, конечно, чтобы она еще хромоногая была, но нельзя желать сразу всего. В нашей жизни частенько приходится довольствоваться малым. Короче, берем невысокую.

– А если она не согласится?

– Согласится, – заверил Гром. – Ты бы отказался от «Анаболиков»?

Я-то нет, но вот девушки с вувузелами… У них в голове своя атмосфера, кто его знает, что ожидать можно?

– Понимаю твои сомнения, – сказал Гром. – Конечно, если ты пойдешь, то, скорее всего, они тебя отвувузелят. А вот если я… Короче, камрад, смотри и учись.

Гром расправил плечи и направился в сторону девчонок чуть расхлябанной дрыгающейся походкой, как в телевизоре, когда про рил пациков кажут. Девицы себе гремели и вувузелили, Громов поравнялся с ними и завязал разговор, указывая то на меня, то на небо, то на припаркованный недалеко «уазик». Закончилось все просто, невысокая девица расхохоталась, потом от души треснула Громова зеленой дудкой.

Дудка сломалась пополам. Девчонки захохотали громче. А дудок у них много, две вязанки запасных, для таких, наверно, случаев. Громов потер лоб, после вернулся ко мне. Походка у него была уже совсем не такая уверенная, Громов шагал ссутулившись и чуть приволакивая ноги. Как обычно.

– Ну что? – спросил я. – «Анаболики» с дурой, значит?

– Да они вообще шибанутые, – Гром потер лоб. – Терминальные. В том смысле, что кидаются на человека с выпученными глазами.

– А что ты ей сказал?

– Что-что, что обычно. Девушка, не хотите ли пройти на концерт, музыку послушать, бутерброд покушать. Говорю, интересный ансамбль приехал, пойдем, красавица, пойдем.

– А она?

– А она меня дудкой по башке.

– Вот так просто?

– Тут сложности и не надо, – вздохнул Гром. – Ладно, отваливаем, это бесполезно.

– Просто ты не умеешь, – усмехнулся я.

Конечно, не умеет. Недаром низенькую выбрал, думал, что она на него клюнет, низенькие вниманием не избалованы. Но даже низенькая, видимо, не позарилась. Какой удар по величию.

– Да, Гром, был о тебе лучшего мнения, – сказал я с разочарованием. – Все бубнишь, лайф-хакинг, транссерфинг, нейропрограммирование, а на самом деле… Ничего ты, Громик, не умеешь. Камрад.

– Это я не умею?! Да просто она…

– Давай поспорим. Вот я сейчас пойду и приглашу. Влегкую.

Гром рассмеялся.

– Коротышку? – уточнил он.

– Коротышку.

– На что спорим? – В Громове проснулся азарт старого халявщика.

Я зевнул.

– Ну, давай…

– На телефон, – опередил меня Гром. – Если ты выигрываешь, ты мне телефон. А если я, то я тебе свой.

Гром продемонстрировал трубку. Не последняя модель, но и не паршивый, тысяч пятнадцать даже подержанный стоит.

– Идет, – согласился я. – Телефон на телефон. Стой тут, я сейчас.

– Если она согласится, пусть рукой мне помашет, – велел Гром.

– Помашет-помашет.

– Ага, помашет, – усмехнулся Гром. – Будь осторожен, у этой козявки мощный удар. Береги голову смолоду, держи ноги в тепле.

– Поберегу.

Я направился к девчонкам.

Они снова вовсю вувузелили. Гремели, дудели, в бубен били. Кроме того, на поясе у невысокой висел мегафон, но им она почему-то не пользовалась.

Я приблизился, прочитал плакаты.

«Гражданин! Бойкотируй магазин «Щедрый Ручеек»! Здесь продают спиртное несовершеннолетним». «Позор». «Будь трезвым. Будь готовым». «Пьянство – удел рабов». Кроме того, имелись увеличенные фотографии пьяных недорослей в разных, порой весьма отвратительных, позах. Наглядная агитация.

«Сбор подписей в поддержку антиалкогольного законопроекта». И стрелка в виде булатного меча.

Поглядел в сторону стрелки и обнаружил табуретку, на ней альбом с привязанной ручкой.

– Где тут подписаться? – спросил я.

Невысокая указала на альбом.

– Только надо с адресом, – сказала она.

– Зачем?

– Если без адреса, то не считается. А ты что, боишься?

– Нет, – сказал я.

После чего вписал в соответствующую графу адрес, фамилию и расписался. Пятьсот восемьдесят девятый. Неплохо набрали. Каждый сотый житель, получается, подписался.

– А дальше что? – спросил я. – Ну, подписи, и что?

– Прикроем магазинчик, – пояснила низенькая. – Или штраф в три миллиона. Одним словом, пожалеют.

– Понятно. Правильное дело. Слушайте, девчонки, у меня к вам предложение.

Худая и длинная девушка насупилась, невысокая, напротив, ухмыльнулась. Кстати, не такая она уж и невысокая, выше моего плеча, а я длинный для своего возраста. Просто худенькая. Наверное, даже худее своей подружки.

– Ну, предложи, – сказала она. – Только я одному предлагателю только что по башке треснула. Твой дружок, кажется?

Кивнула в сторону Громова, который после позорного отступления прятался в тени дерев.

– Этот? – Я поглядел на Громова. – Да не, он мне не друг. Брат. Приехал из Заречья от синусита лечиться.

– От синусита… – захихикала длинная.

– В Заречье что, все такие бараны? – спросила низенькая.

А она ничего, подумал вдруг я. Лицо такое… Необычное.

– Все, – вздохнул я. – Я там был на прошлой неделе – дремучее местечко. Народ дикий, сплошное животноводство, знаете ли…

Другая девчонка опять хохотнула. С чего-то. Наверное, действительно АО.

– Дикие, значит? – уточнила невысокая. – Животноводство?

– Ага… – сказал я. – Овес колосится, озимые там, туда-сюда…

Но уже не очень уверенно сказал.

– Сашка сама, между прочим, из Заречья, – сказала высокая и синяя. – А я с Монтажного. В Монтажном тоже все дикие? И овес?

– Нет… – неуверенно сказал я. – Там зябь, наверное… Я просто…

– Просто, значит…

Приготовился. Ну, что сейчас эта Сашка-вувузельщица треснет меня по башке своей трубой, и пойду я к Громову, потерпевший, как и он, неудачу, весь в осколках самолюбия.

Но Сашка почему-то не стукнула меня зеленой пластиковой дудкой, я так думаю, просто сломать боялась.

– Иди отсюда, – сказала она. – Животновод. Достали уже сегодня…

– Иди-иди, – поддакнула длинная. – А то у нас патруль скоро меняется, пацаны придут, они тоже из Заречья. Навешают.

Посмотрела на часы и дунула в трубу. И Сашка тоже дунула, и стали они дудеть, и бренчать, и громыхать, и продолжалось это довольно долго, наверное, минуты три. Все эти три минуты я упрямо стоял посреди этой дикарской музыки и думал о том, что телефон мне терять не хочется.

Поэтому, когда Сашка с подружкой закончили звуковую атаку на магазин «Ручеек», я решил действовать иначе.

– Ладно, девчонки, он мне не брат, – признался я. – Учимся вместе. Короче, мы с ним поспорили, сумеем ли мы вас пригласить на концерт. Хороший концерт, «Анаболики» приезжают, там можно в певцов помидорами кидать. А? Соглашайтесь. В четыре часа на Кукуе.

– И что ты выигрываешь? – сощурилась Сашка. – Если мы согласимся?

– Пиццу, – соврал я. – Давайте вы ему скажете, что согласны? Сходим на концерт, а потом на пиццу еще. А? Бесплатно совсем.

Девчонки переглянулись.

– В «Наполи» отличную гавайскую пиццу делают, – продолжал уговаривать я. – С ананасами, с курицей, с креветками и с кокосовым молоком, просто ап. Каждому по большой пицце и по молочному коктейлю за счет этого лошпаноида.

Я кивнул в сторону Грома.

– Ну, не знаю, – поморщилась Сашка. – У меня зачеты…

– Я люблю гавайскую, – сказала длинная. – И «Дьябло». И «Четыре сыра».

– У меня зачеты, – сказала Сашка.

– Я же не предлагаю всю ночь гулять, – успокоил я. – Концерт в четыре начнется, в шесть закончится. Слопаем пиццу – и все, в полседьмого уже свободны. Как?

– Ну… – Сашка поглядела на подружку. – Юль, ну как?

– Нормально вроде, – ответила Юля.

– И прекрасно, – улыбнулся я. – Значит, в четыре часа на Кукуе. Так?

– Так, – кивнули девчонки.

– Саш, еще такое дело. Надо этому… – Я указал на Громова. – Надо ему рукой помахать. Ну, чтобы показать, что вы согласны пойти. Помаши, а, Саша?

– Ладно.

Сашка помахала рукой в сторону Грома.

– Все, встречаемся на Кукуе.

Я повернулся и собрался уже было уйти, но Сашка сказала:

– Погоди, Игорек.

Я остановился. Откуда, интересно, она мое имя знает? Дурак, я, конечно, сам же в альбоме расписался, а теперь удивляюсь. Адрес еще сообщил, молодец. АО во всем блеске, одним словом.

– Игорек, только ты сам тоже приходи, – сказала Сашка. – А если не придешь, я у тебя под окнами такой концерт устрою… Пожалеешь, короче.

– Пожалеешь-пожалеешь, – добавила Юля.

– Да я и не думал…

– Ага.

Сказала Саша и стала дудеть в трубу. И Юля стала дудеть в трубу. Особенно злобно, так что я от этого звукового удара поспешил к Громову.

Громов вертел мобильник меж пальцев и грустнел.

– Гони мобилку, – улыбнулся я.

– Да ладно… – сказал он. – Мы ж прикалывались.

– Разве? А мне показалось, что нет. Ты что, Громов, задний ход даешь?

Я недобро сощурился.

– Да это…

Громов экстренно придумывал отмазку, глаза бегали по мордочке быстро-быстро и как-то по-хамелеоньи независимо, каждый сам по себе.

– Давай я его тебе в следующий раз отдам? – предложил Громов.

Я расхохотался. Чтобы Громов понял, что никакого следующего раза не будет.

– Гони сейчас, – потребовал я.

Громов огляделся. Я вдруг подумал, что сейчас он бежать кинется. Но Громов только плюнул и стал доставать телефон из чехла. Медленно-медленно.

Вообще-то лучше, конечно, чтобы Громов оставался должен, подумал я. Он человек талантливый во многих областях, вдруг пригодится?

– Ладно, – смилостивился я. – Прощаю в честь Дня Заполярника. Можешь телефон себе оставить.

Громов быстро убрал мобильник в карман.

– Но гони тогда три тысячи, – потребовал я. – В качестве отступного – это раз. Гони флаеры на «Анаболиков» – это два.

– Все три? – грустно спросил Гром.

– Ага. Иду с девчонками, – я кивнул в сторону Сашки и Юльки.

– Ты что, больной? – усмехнулся Громов. – Зачем тебе эти… каракатицы?

– Не твое дело. Гони флаеры.

– Да ладно, – Гром, обрадованный, что отделался малой кровью, вручил мне флаеры и деньги. – Трех у меня только нет, тут две пятьсот…

Пришлось взглянуть на него строго.

В результате нашлось две семьсот двенадцать, Громов вывернул даже позорную мелочь, а я взял ее, чтобы он пешком домой перся, ему через весь город, пусть потеет. Хотя он же лайф-хакер, вскочит в троллейбус, проедет бесплатно, его проблемы. Оставалось еще триста рублей, Громов побожился их перевести на карту, я не стал настаивать.

– Слушай, Гош, скажи все-таки, ты чего придумал? – спросил Громов. – Зачем тебе эти сколопендры? Или ты сам в «Бушлат» вступить думаешь? Новость дня: Гоша Орлов, сын Орлова, сын Орловой, вступил в «Бушлат»! Я как в школе расскажу…

– Давай телефон, – протянул я руку.

– Ладно, Гоша, все, молчу, как центрифуга.

– Молчи. – Я похлопал Грома по плечу. – Молчи и обрящешь… Что-нибудь большое. Вечную любовь.

Иногда я говорю, как моя младшая сестра Аглая. Красиво и умно.

– Да иди ты…

Ну, я не стал спорить по этому вопросу, мы расстались. Я направился в центр, а разгоряченный неудачей Громов тоже куда-то поспешил, наверное, к своему психотерапевтическому телефонному автомату. Счастливый, два удовольствия сразу – позвонить бесплатно в Усть-Сысольск – раз, обругать зоотехника оленьсовхоза – два.

А я вполне себе добрался до бульвара Кукуй и стал бродить там туда-сюда. На Кукуе смонтировали сцену, и на ней уже разыгрывалась какая-то тусклая местная группа, что-то вроде «Газгольдер Дэд». Торговцы овощами раскладывали товар – прошлогодние астраханские помидоры, собирался народ с черными воздушными шариками, уже вовсю торговали постерами «Анаболиков» и аудиокассетами – потому что реальные фанаты «Анаболиков» слушали их только на кассетных деках, а лучше на старых «Романтиках».

Я не был таким яростным поклонником «Бомбардировщиков» и слушал их на дисках, да и то иногда, под настроение, а сейчас вот что-то взял и прикупил «Левую Тишину». И четыре плетенки с помидорами. Семечек еще прикупил два стаканчика – до четырех еще полчаса оставалось, и я устроился на скамейке и стал сидеть в свое удовольствие. Ждал Сашу и Юльку и размышлял о превратностях. О странностях. Вот поехал я в гипермаркет купить ошейник с бисером, и никелированную миску, и резиновые кости, и не думал даже, что через каких-то два часа буду сидеть на скамейке Кукуевского бульвара, плеваться семечками и ждать Сашу из молодежного движения «Булат». С Юлей. С вувузелами. Так.

Глава 4

Храни нас бог от ярости норманн

Юлю, Сашу и вувузелы я увидел издали. Честно говоря, мне захотелось… Отступить с минимальными потерями, короче. Выглядели обе… терминально. Вот это самое слово, употребленное Громовым, оно им шло. Хотя я бы сказал, немного колхозно. Колхозно-терминально, одним словом. В резиновых сапогах кислотного цвета. В спасательных жилетках. Жилетки были безобразно фиолетовы, вувузелы на их фоне выглядели странно.

Девчонки подошли ко мне. Та, что Саша, поглядела насмешливо, та, что Юля, понуро.

– Ну, что, куда идти-то? – спросила Юля, неопрятно выворачивая губу.

Ей на пиццу не терпелось. Любит пиццу.

Я улыбнулся и осторожно огляделся. Как-то мне не хотелось, чтобы меня увидели с этими подругами. Не то чтобы я стеснялся, просто…

Просто они мне не подходили. То есть совсем. Особенно Сашка. Я вообще не люблю очень уж пригородных девушек, а пригородных девушек с вувузелами, да еще и в спасательном жилете чтобы…

– Ну, так куда? – повторила Юля с нотками тоски в голосе.

Юля, кажется, ненавидит все живое, это по ней как-то заметно. Если бы Юлю занесло в президентское кресло, она на следующий день бы объявила ядерную войну. Чтобы человечество легло в руинах, установилась-таки долгожданная ядерная зима, единственная погода, полностью соответствующая Юлиному мироощущению. К золе и к пеплу.

Саша все живое не ненавидит, но кого-то явно ненавидит, судя по лицу. Что-то такое… обиженное есть, точно зуб болит.

– Туда, – указал я пальцем.

Мы пошли туда, поближе к сцене. Я, как и говорил, чувствовал себя странно, никак не мог отделаться от ощущения, что иду на областную сельскохозяйственную олимпиаду с двумя птичницами, Юля специализируется по гусям, Саша по перепелкам. Но отступать было поздно. К тому же публика на «Анаболиков» пришла тоже вполне себе специфическая, вряд ли здесь могли объявиться мои знакомые. Да и знакомых у меня гусь наплакал, Юля же по нему специализируется.

Продвинулись вправо, остановились в гуще толпы, в людях со всех сторон. Народу прибыло действительно много, и он продолжал сгущаться, все больше и больше, народ выдавливался из проулков, спускался по лестнице со стороны музтеатра, я думаю, тысячи три уже скопилось.

– Когда музыка-то будет? – уныло спросила Юля. – У меня в восемь передача, я хочу передачу посмотреть…

– Три раза, – успокоил я. – Успеешь, то есть, три раза.

– А если не успею? – заныла Юля. – Я еще ни одной серии не пропускала, каждый день смотрю. А еще пиццу надо поесть.

– Я тебе с Интернета скачаю, – пообещал я. – А на пиццу успеем.

Юля покривилась, а Саша вдруг спросила меня:

– А ты сам чем занимаешься?

– Я? Да ничем. Учусь в школе.

– Ну, это понятно. А еще?

– В каком смысле?

– В смысле по жизни? Интересы какие?

Я уже собирался ответить, но тут внезапно начался концерт, вдруг, как ядерная война, о которой так мечтает Юля. Обрушился сверху, заполонил собой все пространство между людьми, в каждом вдохе оказался рев усилителей, мне показалось, что он оказался даже у меня в голове.

На сцене объявился бородатый человек, которого встретили радостным воем. Человек поднял руку, и публика смолкла.

– Ну, привет, – сказал человек. – Снова вместе, снова… Не прошло и года, как мы вновь в вашем городе… Это ведь Бобруйск?

– Да, – завопили все вокруг. – Бобруйск.

– Совсем это не Бобруйск, – сказала Юля неприязненно.

– Так я и знал. Привет, Бобруйск! С вами…

Над Кукуем повисла еще более глубокая тишина.

– С вами…

Тишина стала пронзительней, в тишине кто-то рыгнул, и это выглядело органично.

– С вами… «Анаболик Бомберс».

Кукуй взорвался. В воздух поднялись десятки черных шариков, на сцену обрушился водопад мелочи, которую зрители кидали исполнителям, концерт начался.

– С вами Дрейк Пипуныров.

Дрейк разорвал на себе майку. Телосложения он был весьма специфического – имел крайне перекачанные грудные мышцы, которыми он безобразно дергал в такт музыке, и мимо музыки, и вообще. Вот и сейчас он выдал грудями заразительную трель, чем вызвал у меня приступ расслоения реальности.

Но народу понравилось. Сашка рассмеялась. Юлька, несмотря на свой рост, поднялась на цыпочки и выпучила глаза.

– Он что, правда Пипуныров? – спросила Сашка громко.

– Ага.

– Везет же людям с фамилиями, – усмехнулась Саша. – А вообще, герой, вона как ножками сучит.

– Это шведская фамилия на самом деле! – пояснил я. – В переводе означает «осиновый нос». Или «осиновый кол». Ее издревле присваивали шведским охотникам на нечисть, причем не простым, а из королевских родов! Пипуныров, он, можно сказать, скандинавский принц. Почти Гамлет. Слышали про такого?!

– Он пахана своего в ухо отравил! – ответила Юля.

– Зачет. – Я пожал Юле руку.

«Анаболики» грянули. Дрейк пустился выделывать всевозможные коленца, прыгал и кривлялся, омерзительно выворачивая конечности, очень в соответствии с репертуаром. Песня называлась «Поминки по Геккльбери».

– Что-то я слов не разбираю, – крикнула Саша на втором куплете. – Так и должно быть?!

– Да, – крикнул в ответ я. – Это же «Поминки по Геккльбери». Тут ни одного понятного слова.

– Почему?! – спросила Юля.

– Культура, – ответил я.

Саша и Юля посмотрели на меня не просто с интересом, но и с уважением.

– И откуда ты такой умный?! – спросила Саша.

– Приготовьте помидоры, – не ответил я и стал доставать овощи, в меру мягкие, в меру плотные, как раз такие, что можно было прицельно метнуть.

– А тухлыми яйцами чего не кидают?! – поинтересовалась Саша.

– Санэпидстанция запретила. Сальмонеллез. Так что можно только помидорами. Берите.

Я протянул девчонкам плетенку.

Девушки огляделись и помидоры взяли. Интересно, а если бы я предложил камни? Психология толпы.

Музыка оборвалась.

– А теперь, о други, – сказал Пипуныров, стирая пот с туловища. – Теперь я исполню пьесу, которую я сочинил уже давно, семь лет назад, в тоске и смятенье, в сумерках духа.

Люди замычали, а Дрейк Пипуныров прорычал в микрофон:

– Итак, встречайте, это она. «Томато Деспердатор». И да храни нас, господи, от ярости норманн.

Это был знак. Пароль. К тому, что можно кидать помидоры. Обычно после этой самой фразы начиналось все самое веселое. Народ радостно загудел и стал доставать помидоры, а некоторые уже держали их в руках загодя, и едва Пипуныров помянул норманн, на сцену обрушился помидорный удар, летящие помидоры закрыли свет солнца, вот прямо так.

– Оба… – выдохнула Юля.

– Нормально, – сказала Саша.

Я схватил помидор и запустил его в Дрейка. Конечно, не попал и тут же метнул второй вдогонку.

– Оригинально тут у вас, однако, – сказала Саша.

Она примерилась, двинула локтем и запустила томат в Пипунырова.

Мимо.

– Я тоже хочу, – прогундела Юля. – Я тоже…

Юля произвела неловкое насекомье движение правой стороной тела, помидор держала так, будто он был раскаленным, попыталась его метнуть, но помидор остался в руке. Сама же Юля дернулась, как приконтаченная. Что-то с этой Юлей было явно не так, все-таки слишком длинная.

Сашка же вошла во вкус, метнула уже второй помидор, на этот раз он лег гораздо ближе к цели, попал почти в колено.

И я тоже почувствовал азарт; оказалось, что швырять помидоры в Пипунырова было весьма и весьма весело. Очень хотелось попасть. Попасть, влупить Пипунырову в лоб, чтобы помидор взорвался красной жижей, чтобы…

Народ вокруг постепенно погружался в такой же азарт, помидоры сыпались на сцену градом. Дрейк Пипуныров, впрочем, был несокрушим. В него совсем не могли попасть, он ловко бегал между помидорами и пел.

Иногда, впрочем, Дрейк переставал скакать по сцене и, чтобы порадовать публику, подставлялся под удар, позволял расквасить о себя пару помидоров. Дрейк был уже весь в томате, выглядел страшно и здорово.

– Во дает, глиста, – восхитилась Сашка. – Сейчас я ему влеплю.

Она выхватила у меня очередной помидор и запустила им в песенника.

И неожиданно попала.

Помидор, выпущенный рукой Сашки, просвистел над головами любителей мордор-панка и поцеловал Пипунырова ровно в лоб. Помидор ей попался хороший, мясистый, сочный. Пипуныров не удержался на ногах и шлепнулся на сцену.

Толпа радостно заревела.

Саша как-то погрустнела, а Юля, наоборот, оживилась и стала изгибаться и извиваться, стараясь-таки запустить свой снаряд.

Дрейк Пипуныров, меж тем, старался подняться, но у него это совсем не получалось – каждую секунду на него валились все новые и новые помидоры, зрители вступили в раж, помидорная кровь ударила им в голову. Я тоже оказался подхвачен томатной волной…

Музыка опять оборвалась.

Это тоже было знаком – что помидоры кидать больше не надо, хватит, можно зашибить. Дрейк сел и протер лицо.

И в этот момент свой помидор запустила Юля. Не знаю, как это у нее получилось. Собственно, это у нее и не получилось – помидор вырвался из рук и расшибся о затылок парня, стоявшего перед нами. К этому моменту помидор Юли был уже изрядно размят, и угодив в твердый череп поклонника «Анаболических Бомбардировщиков», томат с облегчением лопнул и кетчупом стек ему за шиворот.

Поклонник обернулся.

Я сразу узнал его. Нет, конкретно этого я не встречал, но таких, как он, видывал.

Гопник.

– Ты чего это? – поинтересовался гопник.

– Я не специально, – повинно ответила Юля.

– Не специально… – передразнил гопник. – Таким корягам надо дома сидеть, а не по концертам расхаживать.

– Что ты сказал?! – вмешалась Сашка. – Что ты сказал, урод?!

– Ты кого назвала уродом?!

– Тебя, прыщеватый.

– Кто тут прыщеватый…

Гопник потянулся к Сашке, она, недолго думая, треснула его. Конечно же, вувузелой. Дудка снова сломалась пополам, некрепкая дудка. Гопник поглядел вверх, себе на лоб, а потом толкнул Сашку.

Не знаю, что со мной случилось. Наверное, инстинкт. Саша и Юля были на концерте как бы со мной, и я вдруг почувствовал, что они под моей защитой. К тому же они… Ну, Юля была вообще выразительно убога, а убогих обижать нехорошо. А Саша… По сравнению с гопником, она казалась маленькой и слабой, от толчка она едва не упала, и от боли еще поморщилась.

Поэтому, когда гопарь толкнул Сашу и назвал ее козой, я как-то разозлился. Разозлившись, я поступил просто – достал из кармана газовый баллончик и прыснул негодяю в наглую харю.

Гопник зарычал и попытался достать меня кулаком. Однако видел он уже не очень хорошо, поэтому со всей дури треснул по загривку здоровенного мужика справа.

Мужик, видимо, к такому обращению был привычен, поэтому, не шибко раздумывая, ударил в ответ.

Гопник осел.

– Смотрите, гасятся, – крикнул со сцены Пипуныров. – А-а-а.

Пипуныров умело пришел в сценический экстаз, укусил себя за руку и принялся высоко подпрыгивать и плевать в зрителей, остальные «Анаболики» пустились исполнять композицию «Плацкарт до Ривендейла», кстати, весьма неплохую, мне нравилась, написана в стиле спидкор, по скорости и энергетике весьма напоминала летящий с горки локомотив и способна была дробить камни в почках.

При первых же звуках этой музыки я почувствовал, что мне тоже хочется. Вот так, как все. И я уже кинулся на гопника, но тут кто-то подсек меня справа, и тут же вокруг меня сомкнулась толпа…

Короче, храни нас, бог, от ярости норманн. В себя я пришел уже в стороне от концерта, в окружении нескольких омоновцев.

Сашка тоже была тут.

– Отпустили его, – крикнула она. – А ну-ка, быстро отпустили!

Ей тоже, кстати, досталось. Пострадала блузка – правого рукава не было. То есть он имелся, но автономно торчал из кармана. Левая сторона жилета неприятно распорота – то ли очень острым ножом, то ли бритвой, из разреза вываливался пух. Губа распухла.

Но в целом она выглядела бодренько.

– Я сказала – отпустили, – рыкнула она.

Саша полезла в карман, полицаи среагировали, подскочили, вывернули руки, надели наручники.

Саша еще что-то пригрозила, но полицаи вступать в дискуссии не собирались, быстренько поволокли ее прочь. Я попытался дернуться, но ко мне тут же был применен стремительный прием, в результате которого я оказался на асфальте лицом вниз, с заведенной за спину кистью, а еще через секунду меня уже тащили куда-то три здоровых омоновца.

Как оказалось, полиция была заранее подготовлена к концерту «Анаболиков» – в проулке рядом с рыболовным магазином дежурил омоновский автобус, и две милицейские «буханки». «Воронки», возникло у меня в голове правильное слово.

Вообще-то я часто видел такое по телевизору и в Интернете, но чтобы вот так, собственноручно, нет. Интересно. Много разной полиции, обряженной в пластмассовую броню и похожей на космических штурмовиков, так что пока меня несли, я успел почувствовать себя немного Люком Скайуокером, и вообще, борцом за свободу.

– Этих в автобус, – велел полицейский в начальственном бронежилете. – Принимать по-мягкому.

– Не имеешь права, – серьезно заявила Саша. – Мы несовершеннолетние.

– Ага, – усмехнулся полицейский.

Нас затолкнули в автобус, усадили рядышком на передние сиденья и пристегнули наручниками к вваренным в стенки скобам. Не больно, кстати, но странные ощущения я перенес; это необычно – видеть собственную руку в наручнике.

– Не имеете права пристегивать, – сказала Сашка. – Мы несовершеннолетние, нас нельзя пристегивать! Это серьезное нарушение!

– А нечего сопротивление оказывать, – огрызнулся полицейский. – Сидите теперь.

Ну, мы стали сидеть.

Внутри автобуса было не очень много народу. В основном нетрезвая молодежь всякого сорта, от лохматых студентов в белых мокасинах до стриженых парней в коротких ветровках. Ну, еще парочка совсем посторонних товарищей неопределенного возраста, непонятно как сюда вообще попавших, видимо, за компанию. Имелись в автобусе и какие-то другие люди, пристегнутые, видимо, «по-жесткому», с заведением рук за спину, эти выглядели так… Так, что было ясно – «по-жесткому» их взяли не зря.

– Ты что, первый раз? – спросила Сашка.

– Ага.

– Понятно, – Сашка устроилась поудобнее на сиденье. – Не переживай. Скоро выпустят.

– Да я и не переживаю…

– Переживаешь, – Сашка улыбнулась. – Все переживают, когда первый раз в обезьянник попадают. Я тоже переживала. Сейчас нет. Да мы до обезьянника и не доберемся, скоро Борис подъедет.

– Какой такой Борис? – спросил я.

– Старший офицер… Короче, он решает проблемы. Серьезный мужик. Сейчас.

Сашка достала телефон, позвонила.

– Да, я. Да, приняли, представляешь? Кукуев ручей, автозак. Не, пока по-мягкому. Да, ждем.

– Телефон! – крикнул омоновец. – Убери телефон.

Сашка послала ему воздушный поцелуй.

Омоновец оказался рядом и попытался телефон отобрать, но Сашка ловко спрятала его в жилетку. Боец протянул было руку, но Сашка вдруг дико взвизгнула. Громко и истерично, омоновец отскочил.

– Шмонать меня не советую, – сварливо сказала Сашка. – Очень потом пожалеешь.

Омоновец плюнул и отступил в сторону.

Глава 5

Инсекторцизм

– Может, еще капнуть? – спросила Алька. – Что-то медленно бегут. Капнуть каплю?

– Я те капну.

Я отобрал у Альки пузырек и прочитал:

– «Одну каплю на десять килограмм веса». Капнули уже три. Я думаю…

Я поглядел на собаку.

Она послушно сидела на полу и смотрела на нас. Терпеливо и внимательно, улавливая каждое движение; так могут смотреть только псы.

– А вдруг она больше весит?

– Может быть.

Наверное, больше. Вон какая здоровенная. А после трех капель на самом деле бегут не очень шибко, с прохладцей.

– Ладно, еще три капли добавим, – сказал я. – Для эффекта.

– Ты на спину еще капни, – посоветовала Алька.

– На спину нельзя. Со спины она слизнуть может, только на затылок можно.

Я скрутил с пузырька крышку, капнул на собачью голову три зеленые капли. Ну, и четвертую для верности.

Стали ждать.

Я ждал молча, размышлял о прогрессе. Прогресс все-таки благо. Вот в девятнадцатом веке с блохами была сплошная засада, везде они были. На лошадях, на людях, на собаках, так и скакали, как бешеные. И кусали всех подряд, и какого-нибудь занюханного извозчика под Костромой, и государя императора в Гатчине, и все были перед ними равны и беззащитны. Ну, разве что государь надевал под золоченый камзол серебряную блохоловку, а извозчик дышал на насекомых чесночным духом, от которого те несколько соловели.

А еще клопы, кажется. Чичиков страдал от клопов, и чтобы они не очень сильно его терзали, мылся особым мылом.

– Хорошая собака, – Алька потрепала псину за шею. – Очень хорошая собака. Вообще-то, я, конечно, хотела тойтерьера, чтобы в карман умещался. Но сейчас я думаю, хорошо, что мы его не купили. Вон у Надьки этот тойтерьер есть, так она с ним намучилась. Он ей то ноутбук сгрызет, то в тапки нагадит. И все время у него то понос, то дисплазия. А у этой зверюги никакой дисплазии не будет, да?

Алька постучала собаку по голове.

Забавно. Никогда не думал, что у нас будет собака. Что у меня будет собака. Собака – это что-то…

Трудно передать, странное ощущение. Всю жизнь жил сам по себе, а тут собака. Да еще такая. Ходит, смотрит, чешется. Блохи на ней живут, оказывается, а мы их травим с Алькой.

Странно. Неожиданно. И вчера, на концерте, тоже… То есть после концерта. К чему бы это?

Вокруг собаки Алька положила веревку, пропитанную керосином – она где-то прочитала, что ни одно вменяемое насекомое не может перебраться через веревку, пропитанную керосином и свернутую кольцом. Пока Алька была права. Блохи, в изобилии спрыгивающие с собаки, действительно через веревку перебраться не могли. Влезали на нее и, одурманенные керосиновыми парами, обрушивались вниз, на пол. А я собирал их мыльницей. Довольно много их скопилось, мерзкие такие, жирные, шевелятся. Трудно быть собакой, жрут тебя такие твари, а ты терпи, терпи, ну, зубами можешь поскрежетать.

Я предложил блох просто давить, но Алька не согласилась – во-первых, блохи неприятно щелкали, во-вторых, Альке их было жаль. Я ей сказал, что блохи все равно сдохнут, мы же их травим, Алька возразила, сказала, что она отнесет их к забору и выпустит там, они полежат на воздухе, очухаются и расползутся, и никакого кровопролития. Я не стал переубеждать, пусть. Алька хитрая, и всегда ведет себя как ей удобно. Иногда как первоклашка, иногда как пэтэушница, а иногда как взрослая тетенька, театральная студия, одним словом. Иногда я сам забываю, сколько ей лет. Наверное, поэтому, мне с ней интересно. Зачем ей эти блохи?

– Надо еще глистов выгнать, – с авторитетным видом заявила Алька. – Мы и специальные таблетки купили, от всех самых известных и от некоторых неизвестных.

Интересно, собирается ли Алька проявлять гуманизм в отношении бычьих цепней?

– Лови. Вон побежала.

– Ловлю.

Я ловил блох, Алька разбирала вчерашние покупки. Покупок много, большая коробка, которую Алька притащила из гаража чуть ли не волоком, я не очень удивился; мама полумерами не ограничивалась, покупала так покупала. С запасом.

Алька извлекла толстый ошейник с кармашками, в которых торчали квадратные свинцовые гирьки.

– Это зачем? – не понял я.

– Как зачем? Утяжелители. Ну, чтобы мускулатуру качать.

– Понятно…

Алька вытащила коробочку с зажимом на липучке.

– А это что? – спросил я.

– Маяк.

Алька ткнула пальцем в потолок. Собака тоже поглядела в потолок.

– Джипиэс маяк, – сказала она. – С независимыми аккумуляторами, они могут год работать. Если собака потеряется, ее можно по обычному телефону проследить. Незаменимая штука. В случае чего, ее можно будет вернуть.

Точно. Как мать не додумалась раньше приобрести такие ошейники для нас? А что, очень удобно, всегда на поводке.

– Попонка, – Алька извлекла из коробки собачий жилет. – На случай плохой погоды.

Я подумал, что следующим собачьим аксессуаром достанутся калоши, но это оказался электроповодок. Длинный шнур, который втягивался сам с помощью моторчика.

Свисток, бесшумно-ультразвуковой, его звук должна различать каждая собака. Алька тут же приняла дуть в свисток, барабанные перепонки у меня тотчас заболели, а собака даже ухом не повела.

– Наверное, для китайских собак предназначено, – заключила Алька.

А еще были никелированные миски, которые не скользили по полу. Неизгрызаемые кости. Мячи-дразнилки. Автопоилка. Несколько чесалок. Все, что нужно для счастья, так и есть.

– Вы, я смотрю, уже разобрались?

Мать потихонечку спустилась со второго этажа, выглядела заспанно, сиеста после фруктового ленча.

– Как успехи? – спросила она.

– Бегут, – ответила Алька.

– Это хорошо, что бегут. А то как-то мне не хочется, чтобы в диване завелись какие-нибудь клещи.

– Они там и так есть, – заверила Алька. – Просто невидимые.

– Видимых нам еще не хватало. Мерзость какая….

Алька пожала плечами.

– В среднем человеке живет до полукилограмма паразитов, – сообщила она. – Если с нас паразиты побегут, тоже мало не покажется.

– Ну да, – согласилась мать. – Долго вы еще?

– Еще мыть будем. Потом ногти надо подстричь, а то они длинные, как у орла, и уже кое-где расслаиваться начали. Потом выгулять…

– К двум часам заканчивайте, – велела мать.

– А что? Почему к двум? Я хотела еще расчесать…

Алька заканючила. Что она хотела расчесать, и уже приготовила массажную расческу, и вообще за собакой требуется уход, у нее проблемы с шерстью, нужен

специальный корм для блестящести.

– К двум, – сказала мать. – Времени еще целый вагон. А у меня сегодня мероприятие, вы же знаете.

– Я не могу, – тут же ответила Алька. – У меня доктор же. Мозголог.

Мать поглядела на Альку с прищуром.

– Но мы же договаривались, – настойчиво напомнила мать.

– Так и с доктором я тоже договаривалась, – возразила Алька. – Нет, если вы хотите, я могу от него отказаться, мне он самой не нравится…

Мать стала нервничать щекой.

– Ладно, я поеду, – сказал я.

Мать кивнула молча и удалилась.

– Зачем я ей каждый раз нужна, – не пойму, – вздохнула Алька. – Ну, ты, понятно, таскать коробки, они тяжелые. А я? Хожу как дурочка, стою, улыбаюсь…

– У тебя очень красивая улыбка, – сказал я. – Она вселяет надежду.

– Ага, три раза и всё невзирая. Надежда в канаве зебру доедает, сам знаешь…

Минут через двадцать блохи перестали сыпаться, Алька сказала, что все, можно идти мыться, она только ванну наберет. Ушлепала. А я остался один. То есть с собакой. Та продолжала сидеть в веревке, послушно, не смея переступить через круг. Меня это снова удивило. Тогда, в Горюново, это была просто Ракша-Сатана, а здесь…

Глаза. У нее были странные, какие-то не собачьи. Нет, я в собачьих глазах особо не разбирался вообще-то, но здесь совсем другое… Синие-синие. И смотрела она ими тоже странно, точно ощупывала помещение, точно стараясь увидеть то,

чего нет.

Я разомкнул кольцо. Веревку скомкал и выбросил в мусор. Собака сделала шаг, подошла ко мне и положила голову на колени.

Тяжелая башка. То есть очень тяжелая. Как гиря. Я погладил ее по лбу, а собака издала неодобрительное урчание. Тогда я догадался и почесал за ушами. Урчание тут же приобрело другую окраску, я принялся чесать псину. За ушами, за шеей, по бокам, со смехом отмечая, что когда я скреб ее за бок, задняя лапа начинала дергаться.

У меня никогда не было собаки. И морской свинки тоже не было. Даже хомячка, даже самого паршивенького, джунгарского, который умещается в кулаке. Не то чтобы любовь к животным не поощрялась в нашей семье, просто у меня никакой тяги к живой природе не обнаруживалось, однажды завел двух бойцовских рыбок, но они друг друга убили, а аквариум засох, правильно отец говорил. Было мне, кажется, пять лет, и эта жестокость мира природы произвела на меня неприятное впечатление, желание и дальше с ней знакомиться отпало.

А тут вдруг целая собака. Собственная. Ни с того ни с сего.

Из ванной показалась Алька.

– Пену пускать? – спросила она. – Мы вчера шампунь специальный купили, можно пену сделать.

– Пускай пену.

– Ты не перечеши, – посоветовала Алька. – За ушами нельзя долго чесать, могут воспалиться. И вообще, пойдем купаться…

При слове «купаться» собака вздернула уши и с грохотом рванула в сторону ванны.

Завизжала Алька, я сорвался, пробежал через коридор, толкнул дверь.

Картина была выдающаяся. То есть совсем. Ванна у нас большая. Чугунная, старинная, широкая и длинная, рассчитанная на бегемота средних размеров, кажется, еще и антикварная. Когда-то в ней мылся статский советник Теляев, теперь в ней плескалась собака. Ванна была на треть заполнена водой и розовой пеной, в которой плавали уточки. Кораблики, ковшики, куклы. Кроме того, пена была и вокруг, на полу, на стенах и на Альке.

– Она отряхнулась, – сообщила Алька. – Я не думала…

– Не думала… – передразнил я. – А надо было! Ладно, давай мыть. Купаться.

Собака перебрала лапами.

Опыта в собачьей купке ни у меня, ни у Альки не имелось, поэтому мытье у нас растянулось почти на час. Сначала мы мылили собаку особым противоблошиным мылом и чесали щеткой из кабаньей щетины, и не зря, пару десятков полудохлых блох вычесали. После этого Алька объявила, что теперь пришла пора отмыть собаку уже начисто. С благовониями.

Я заметил, что собак с благовониями мыть вообще-то не принято, на что Алька ответила, что она совсем немного наблаговонит, чуть-чуть. И бухнула в воду полфлакона жидкого французского мыла.

Купание продолжилось.

Собака мурчала, как кошка, хлебала воду из-под крана, отряхивалась, хватала пластмассовых уток и начинала их жевать, одним словом, радовалась жизни. Алька вела себя деловито, как самый заправский кинолог, руководила мной, руководила собакой, рассуждала на тему гигиены и выгула, указывая, что шерсть у собак должна матово блестеть, иначе все будут думать, что собака больная…

А в конце водных процедур Алька решила почистить зубы.

– Надо почистить зубы, – сказала она.

Я удивился – с чего это нам вдруг сейчас чистить зубы?

– Да не себе, – Алька постучала себя по голове. – Ей.

– Разве собакам чистят зубы?

– Конечно! А ты что думаешь, они сами себе, что ли, чистят? Нет, собаке нужно мыть лапы после каждой прогулки и чистить зубы хотя бы раз в день. Конечно, щетку мы купить забыли, так что будем чистить зубы моей старой. Правда, она уже недостаточно эластична, как ты думаешь, пойдет?

– Щетка? Щетка пойдет. Просто я думаю, что чистить зубы собаке… – я покачал головой. – Короче, если бы я был собакой, мне вряд ли бы понравилось.

– Ты ничего в собаках не понимаешь, – тут же заключила Алька. – Все собаки мечтают, у них просто рук нету… Как ты думаешь, какую пасту, со фтором или лучше лесную?

Мне что-то не очень верилось, что собака позволит чистить себе зубы пастой со фтором.

– Лучше пока без пасты вообще попробуй, – посоветовал я.

– Ты думаешь?

– Угу, – кивнул я.

– Значит, «Лесной бальзам», – сделала вывод Алька. – Он как раз для профилактики десен. Сейчас…

Алька выдавила пасту на старую щетку. Собака покосилась на эти приготовления, вздохнула.

– Сейчас почищу.

Я оказался прав. Все попытки Альки начистить собаке зубы оказались решительно безуспешными. Собака ловко вертела мордой, стискивала челюсти, наклоняла голову, а когда Альке все же удавалось вставить ей в зубы щетку, псина быстро съедала пасту или так сжимала зубы, что сдвинуть щетку у Альки

не получалось совсем. Одним словом, хитрила по полной программе.

Закончилось все это фантастически – собаке надоело мыться, она снова вздохнула, после чего легко перекусила душевой шланг. А затем, подумав немного, выворотила смеситель.

Вот просто так, взяла зубами и выдернула с мясом, из стены потянулись пластиковые трубы, посыпался кафель.

– Опа, – сказала Алька.

В сторону ударила вода, сначала горячая, а затем с небольшим замедлением и холодная. Я глупо попробовал заткнуть трубу пальцем, бесполезно.

– Потоп! – взвизгнула Алька и выбежала из ванной.

Собака последовала за ней. А я с этим потопом остался один на один.

Попробовал заткнуть воду полотенцем, эффекту было еще меньше, чем от пальца. Вода уже залила ванную комнату и растекалась по дому веселым потоком. Я стоял посреди всего этого половодья и не знал, что предпринять. Впал в ступор, который продолжался, наверное, минуты три, во всяком случае, вода успела добраться уже до кухни.

И только когда меня начало подергивать током, причем довольно неприятно и сильно подергивать, я понял, что надо делать. Вспомнил, что на каждой трубе есть свой кран, это такой общий закон мироздания. Вспомнил про кран и рванул вниз, в подвал, дверь плечом выдавил…

Было уже поздно, конечно, паркет из гавайской сосны пострадал.

Потом Алька сидела с собакой в гостиной. Собака сосредоточенно лопала козинаки, Алька напевала что-то и одновременно сушила тапки феном. И собаку тоже феном сушила, так, заодно.

– Уши ей сушу, – сказала Алька. – Вода могла в уши попасть, от этого оглохнуть можно. Или воспаление пойдет, потом намучаемся. Может, даже операцию надо

будет делать.

– Сладким тоже не перекармливай, – посоветовал я. – Зубы испортишь и диабет.

– Ерунда, – отмахнулась Алька. – Это на меду козинаки, от них диабета не бывает. И вообще орехи полезны, семечки тоже. У собаки дефицит веса, между прочим, а тебе козинаков ей жалко.

Алька раскрыла еще одну пачку. Собака раскрыла пасть.

– Герда кушает. Герда кушает, Герда любит козинаки.

– Ты просто дрессировщица, – заметил я. – Укротительница тигров.

– А, ерунда, – отмахнулась Алька. – Все просто. Пряник – кнут – пряник. Ну, еще резиновый мячик, может, некоторые любят поиграть.

Это Алька сказала как-то чересчур по-взрослому, так что мне даже неприятно стало. Как чужая. В последнее время это с ней часто. Я, конечно, виноват. Да, да, виноват. Аделина тоже виновата, но ее почти не ругали.

– А люди? – спросил я. – Как их дрессировать?

– А что люди? – Алька забросила в пасть собаки козинак. – Люди то же самое. Пожрать, поиграть, ну и это… ласковое слово и кошке приятно. Конечно, я утрирую, но в принципе так. Глупость, тщеславие, алчность – три камня, на которых строятся империи.

Это она уже как-то изрекла, видимо, из исторической книги была фраза или великий кто сказал.

– А почему Герда? – не понял я. – У нее что, татуировка с именем?

– Сам ты татуировка. Какая татуировка у собаки, Гоша, ты что? Она мне сама сказала.

– Сама? – не удивился я. – Разве собаки говорят?

– Герда говорит.

Алька поглядела на меня с излишней серьезностью, и я в очередной раз не понял, врет она или не врет.

– Вообще-то, я ее хотела Бангой назвать, но она мне сказала, что она Герда.

Глава 6

Белинский и Феофан

– Вот у тети Нины, маминой офлайн-френдессы, имелся чихуахуа. Инфарктник такой, мелкий вырожденец с кривыми лапками. Инфаркт он получил от удара газетой по голове, и с тех пор стал принципиально ходить под себя по всем нуждам. А еще пристрастился к чесанию, как кот к валерьянке, ляжет на подушку и расчесывается, и скулит от удовольствия. Каждый день до крови расчесывался, а потом за ночь коростой покрывался, его так и звали, Короста. Так вот, этот Короста однажды зачесал себя до смерти. Тетя Нина забыла перед уходом дать ему успокоительные таблетки, а когда вечером вернулась, Короста лежал на подушке. Весь расчесанный, но с выражением неземного блаженства на морде.

Огонек дрогнул и не погас. Он застыл на середине спички, сошелся почти в точку и вдруг разгорелся снова. Почти две минуты, отметила я. Спичка, которая горит две минуты. Умели раньше делать.

Доктор дунул. Огонек исчез.

– Очень интересная история, – сказал доктор. – Очень. Вы говорите, что собирались сегодня на прогулку, кажется?

– Меня не пустили. Потоп, знаете ли.

– Потоп?

– Нет, не в том смысле, – объяснила я. – Не в библейском. Обычный, бытовой, сорвало краны, вода пошла, обвинили, конечно, меня. А потом, это не прогулка, это благотворительный бросок.

– Благотворительный бросок? – подивился доктор.

– Ага. Филантропическая бойня. Терзания в июле. Унылое зрелище, вы уж мне поверьте.

Действительно, унылое. Нас с Гошей на такие мероприятия берут в воспитательных целях. У моей мамы, разумеется, имеется собственная точка зрения на вопросы педагогики, моя мама считает, что детей надо воспитывать личным родительским примером. Так завещал великий Корчак, Майк Тайсон педагогики. Поэтому она нас таскает за собой. Ну, в фитнес-центр и в бассейн, конечно, не таскает, там никакой педагогики, а по остальным делам почти непременно.

В больницу, чтобы мы знали, что на свете есть боль, икни, икни, Сиддхартха.

В администрацию города, чтобы мы знали, что на свете есть бюрократы.

На филфак, там еще теплится настоящая наука, у всех студенток под подушкой пожелтевшая фотокарточка Бахтина, а у всех трех студентов набит профиль Проппа под мышкой.

В газету «Областное знамя» – дети, посмотрите, как выглядят лгуны.

Завод «Гидростроймонтажтехника» – вот это, дети, называется физический труд.

Следственный изолятор «Овраги» – а это, дети, бывает с теми, кто не хочет хорошо учиться и слушаться родителей.

На мероприятиях «Материнского Рубежа» мы, разумеется, тоже присутствуем. Это чтобы мы с детства приучались не быть общественно пассивными, чтобы

помнили о том, что ближним надо помогать. Ежегодный визит в детский дом № 16 тоже из этой оперы. Милосердие на марше.

– Почему же унылое зрелище? – спросил доктор, потрогал под очками глаз.

– Очень унылое, – сказала я. – Оркестр, байкеры, представитель парашютного завода, активистки «Мружа»…

– «Мружа»?

– Ну да, «Мружа». «Материнский Рубеж», не слышали разве?

Доктор опять потрогал глаз.

Темный доктор. Хотя, может, это такие психотерапевтические штучки. Вытягивает меня на разговор. Расслабишься, проникнешься, а он уже тебе в душу прыгнул. И излечил.

– «Мруж», значит.

Вот так оно и получилося. Мама наша, как все приличные мамы, вела блог, такой, по общим вопросам, но больше с педагогическим уклоном, довольно популярный, кстати, блог, не тысячный, но на пути к этому. Под ником ubermomm74. За два года жэжэшной жизни у нее скопилось несколько сотен френдесс, и так получилось, что в этих френдессах обнаружилась некая isolDA, толковая девушка твердых гуманитарных взглядов. В офлайне isolDA оказалась сестрой мэра, и они с мамой подружились на почве шитья лоскутных юбок, плетения бижутерии и прочего хендмейда, а потом еще счастливо открылось, что и isolDA и ubermomm74, видимо, на почве удовлетворения остальных потребностей, переживают острое желание благодетельствовать. Короче, мама предложила организовать «Материнский Рубеж», isolDA пришла в восторг. Благодетельствовать было подано, а потом…

Потом все было легко. Вслед за Изольдой в проект широким потоком стали вливаться желающие. Парашютный завод, фабрика нетканых материалов, Шардомский мужской монастырь, полк быстрого реагирования ракетных войск стратегического назначения, расположенный в Лубенево, мотоклуб Plios

Corcodiles, журнал «Наш Регион» и еще многие-многие-многие организации и частные лица, так что из благотворителей выстроилась даже очередь. Городская администрация выделила помещение, спонсоры пожертвовали компьютеры, создали сайт, и волонтерская добровольческая организация «Материнский Рубеж» начала работу. Изольда стала во главе организации, мама сделалась ведущим иерархом ордена… ну, то есть заместителем Изольды по общим вопросам. Кроме того, мама как филолог сочинила гимн. В гимне описывалась трудная, но благородная участь волонтера, который своей бескорыстной деятельностью способствует умножению добра в этом мире и попранию в нем же зла. Довольно пафосный такой гимн, но всем понравилось, гимн записали с помощью областного симфонического оркестра и капеллы мальчиков и прослушивали его на каждом заседании, одним словом, борьба бобра с ослом развернулась нешуточная.

Припев же в гимне был таков.

Крепись, волонтер. Держись, волонтер,

Твоя воля сильна. В твоем сердце костер.

Ну да, костер, это точно. Я почти сразу пересочинила «держись, волонтер, крепись волонтер, Ктулху уже здесь, Ктулху к нам припер», и меня за это три дня ненавидели.

Так вот, два раза в год «Материнский Рубеж» собирал заявки на подарки в детском доме № 16, после чего все жаждущие реализовать социальную ответственность перед обществом эти заявки чистосердечно выполняли. Ну а потом оставалось лишь отвезти подарки адресатам, что и делали мы с мамой. Ну и байкеры, разумеется.

Байкеры, кстати, это неотъемлемый элемент процедуры. Байкеров детишки любят.

Во-первых, у них мотоциклы, похожие на инопланетные корабли, прямотоки рычат, как ракетные двигатели, что неслучайно – отпугивает нечистую силу.

Во-вторых, сами они тоже похожи на пришельцев – лохматые, бородатые, в коже и в металле, в черных очках.

В-третьих, они всегда с конфетами и с орехами. Старшим ребятам на моциках посидеть интересно, младшие конфеты с орехами трескают. Но меня, если честно…

– А почему вы не поехали? – продолжал приставать доктор.

– Я же говорю, потоп. Наказана. А так я обычно в первых рядах, невзирая на прогноз.

– И что же вы там делаете?

– Да там все просто. Сироты, значит, в шеренгу по свистку выстраиваются, а мы вдоль нее идем. В одной руке у нас коробка с айфонами, в другой корзина с айпэдами, ну, байкер кричит: «А ну, робяты, кто тут хорошо себя вел?» Сироты поднимают руки, а я достаю девайс, вручаю, целую в щечку и говорю: «Помолись за нас, честный юноша». Или: «Блюди себя, достойная отроковица». Все счастливы.

– Как интересно, – покачал головой доктор.

– Очень интересно. Потом, как водится, обед, макароны по-флотски, компот, а после уж концерт песни и пляски, благодарные сироты пляшут ламбаду и играют на мандолинах.

Доктор, кстати, явился с фонарем. Не в диогеновском смысле, а с обычным, под глазом, из-под зеленых очков заметно. Хотя, может, с философской точки зрения это одно и то же, откуда нам знать?

За окном у нас дождь, слякоть какая-то, похожая на сопли, ползет по окнам, причем иногда непонятно, кверху она ползет или наоборот. Погода такая, кстати, мне очень и очень нравится, самая творческая, в такую погоду лучше всего сочиняется, особенно если зажечь печку и погасить свет. Атмосфера такая умиротворенная, так и хочется закутаться в плед, выпить какао с печеньем и немного посочинять про старого ревматика Ктулху, погрузиться в бездны отчаянья. А тут доктор со своим фонарем.

Честно, с фонарем, такой классический фонарь, синий, большой, расплывчатый, он его, конечно, заклеил накрест пластырем, но разве такое море заклеишь? Я сначала задумалась, конечно, настоящий ли фонарь – или он его пририсовал с психотерапевтическими целями? Но потом решила, что все-таки настоящий, слишком уж здорово сделан, не видна работа мастера, что, в свою очередь, свидетельствует о высочайшем уровне.

Я засмеялась. Такого от др. не ожидала, поэтому как увидела фонарь, так удержаться не смогла. Доктор, конечно, смутился, но тоже заулыбался.

– Это я на коньках катался, – сказал он. – На роликовых. Ударился об лестницу.

– О веревочную? – уточнила я.

– Почему о веревочную? Об обычную. Впрочем, мы не будем об этом разговаривать, мы поговорим о…

Я представила, как доктор на заседании ассоциации психологов не сошелся во мнении по вопросам терапии ранних деменций с доктором Кучеренко, и они побили друг другу личности. При большом стечении народа.

– Мы поговорим… – доктор потрогал глаз.

Он потянулся к спичкам, чиркнул, но тут же задул.

– Очень успокаивает, – сказал он. – Дурная привычка, не могу отказаться. Так давайте о том, что…

– Да-да-да, о том, что я пережила в тот роковой день у роковой горы. Вам не надоело, доктор?

– Это моя работа.

Упорен. Фонарь получил, а ничего, бодрится, философствует, Карл Густав Юнг в юности, во какая я умная, а что, бывает.

Доктор опять потрогал синяк.

– Вот я и спрашиваю – вам такая работа не надоела? – переспросила я. – Без конца копаться в чужих нервах? Вы, наверное, хотели стать первопроходцем каким, Хабаровым, Лаперузом, а тут… Мозговед-дефектолог, ментальный тараканщик. Можно сказать, психоассенизатор.

– Бывает и хуже, поверьте, – ответил доктор. – Я такого навидался…

Он уселся на диванчик, вытянул ноги, вытащил уже пирамиду. Кажется, пирамиды наполняют пространство правильными энергиями. Вот если у чела пирамида, то он психолог, а если хрустальный шар, то уже парапсихолог. Матушка Веденея.

– Знаете, сегодня я не хочу слушать про ваши приключения…

– А что так? – перебила я.

– Ну, вам же не хочется про это рассказывать. Пойдем другим путем…

Док поежился.

– Расскажите мне лучше про свои произведения. Мне интересно. В прошлый раз мы так и не закончили, кстати. А я подготовился, даже узнал, кто такой Ктулху.

– И как? – спросила я.

– Очень интересно, знаете ли. Конечно, это все на самом деле искаженная шумерская мифология, но все равно… С этой точки зрения ваши работы, безусловно, новы – как своеобразное преломление древнего мифа о Тиамат…

Интересно. Я вот сама так думала, между прочим. Он что, мысли читает?

Вошла Герда. Доктор замолчал.

– Мне кажется, что Ктулху все-таки не совсем Тиамат, – заметила я. – Вы не находите? Тиамат девочка, а Ктулху мальчик, тут явное онтологическое противоречие.

– Да? – неприязненно посмотрел на Герду. – Возможно…

Герда, конечно же, направилась к нему. Облизываясь. Утопая лапами в ковре. Поблескивая глазами и ошейником. Перебирая мускулами. Умело и весьма угрожающе встопорщивая шерсть на загривке.

Она, как и в прошлый раз, приблизилась к нему и стала смотреть. Смотрела, и все. Доктор напрягся.

Я устроилась на подоконнике. Как я раньше жила без собаки? Оказывается, это так удобно.

– Мне кажется, что это не способствует, – сказал доктор. – Как-то…

Он покосился на Герду.

– Понимаете, Аглая, терапия – сложный процесс. Я хочу вам помочь, а эта собака… Почему она на меня опять так смотрит?

– Кто знает?

– Да… – Доктор огляделся. – Я не очень люблю собак, если честно…

Герда заурчала животом. Доктор одеревенел.

– Не бойтесь, она не укусит, – успокоила я доктора.

– Я знаю, что не укусит, – самоуверенно сказал док. – Но она мне несколько… мешает. Мы так неплохо начали…

Герда урчала.

– У вас собакобоязнь? – уточнила я.

– Нет, не то чтобы. Она отвлекает.

– Герда! – позвала я.

Но Герда не шелохнулась, так и смотрела.

– Я же говорила – не слушается, – сказала я. – А я вам хотела про Ктулху как раз…

Доктор скрипнул зубами. И снова взялся за спички. В этот раз спичка горела как положено. Трюки со спичками меня действительно забавляли, наверное, доктор специальные изготовил, одни горят долго, другие нет, третьи… Прогрессивные методы современной психотерапии. Доктор непрост.

– Но вообще, в последнее время меня все меньше занимает этот Ктулху, – сказала я. – Ктулху – это пройденный этап, это мелко, я понимаю. Гимназически. Ну, разве что в ироничном смысле… Я другую пьесу сочинить хочу, я уже и название придумала. «Лакримоза и Феофан» называется. Вы знаете, что такое «Лакримоза»?

– Да… – неуверенно кивнул доктор. – В общих чертах. А Феофан?

– Феофан тут совсем ни при чем, он только для благозвучия, – отмахнулась я. – Я хочу выплеснуть свои эмоции на бумагу, это же правильно?

– Да, наверное…

Герда заурчала громче, доктор стал смещаться к окну.

– Вы у меня там тоже будете, – сообщила я. – Вы будете помогать героине выбраться из пасти безумия, но потерпите фиаско.

– Фиаско?

– Я не приемлю хеппи-эндов, – заявила я. – Только суровая правда жизни. Критический реализм, старик Белинский и все такое. Старик Белинский сжимает во гробе костлявые длани. Белинский и Феофан, короче. Знаете, я иду неведомыми доселе тропами…

– И что? – осторожно перебил меня доктор. – Каков же финал вашей пьесы?

– Лакримоза. Героиня, так и не сумев разобраться в своем внутреннем мире, поступает в школу прапорщиков. Доктор, разочарованный в своих врачебных возможностях, идет работать на рыбью ферму.

– Очень интересно… – доктор поежился. – Рыбья ферма, всегда мечтал, между прочим.

А то. Там тихо и все время вода журчит. Красота.

– Кроме того, у вас от нервного перенапряжения начинается псориаз, – добавила я.

– Так я и думал. Всегда псиориаз начинается…

Доктор хлюпнул носом.

– Он от нервов, – уточнила я. – Весь чешешься. Вот так.

Я немного нервно почесалась, немного интенсивно, доктор покривился.

– От нервов все, – повторила я. – Я очень нервная.

– Этому можно помочь… Просто эта собака…

Он поглядел на Герду. И она ему не нравилась. Взаимно.

– Знаете, я хочу все-таки прочитать вам свои наброски. – Я выбрала с полки тетрадку потолще. – Хочу услышать мнение специалиста. В конце концов, драма сродни психоанализу, так и классики говорят. Недаром Чехов в психушке работал, «Палата номер шесть», читали?

Доктор усмехнулся.

– Чехов был странным человеком, – сказал он. – Впрочем, в той или иной мере… Достоевский, Гоголь…

– Гоголь, это да.

– Ты, значит, любишь классику? – поинтересовался доктор.

– А кто ж ее не любит? Классика развивает мозг. Это как мышцы качать. Я «Мертвые души» еще в третьем классе осилила, между прочим. Так я почитаю?

– Но…

– У меня тут немного, – успокоила я. – Всего тридцать две страницы мелким почерком. В сущности, только экспозиция по сути. Не напрягайтесь вы так, литература обогащает. А то в прошлый раз вы отвертелись хитро. В этот раз не получится.

Я улыбнулась и открыла тетрадь.

– Но я же…

Герда предупредительно заурчала желудком, и др. понял, что придется слушать. А пусть слушает, за что ему папенька денюшку плотит?

Это понял и докторишка. Смирился, такая у него юдоль.

– Итак, действие первое, картина первая, явление первое, – провозгласила я. – Молодой психоаналитик Аполлон Сковорода встречает своего одноклассника Иеремию в вагоне поезда Петербург – Вытегра…

Др. закатил глаза, спичечный коробок заплясал между пальцами.

А поделом ему. Как в психоаналитики, так мы все горазды, а как слушать записки психов, так никому не охота. Ничего. Слушай.

Я продолжила. С надлежащим выражением и апломбом, жестикулируя и встряхивая челкой, как какой-нибудь там Немирович-Данченко.

– Так вот, слушайте. Иеремия – курсант Президентского полка, едущий домой на летние вакации. Психоаналитик Аполлон Сковорода одержим идеями радикального солипсизма…

Вдруг Герда оставила доктора и рывком к двери – ап – и только ковер в сторону съехал, только торшер завалился. Резко так, клацнув зубами; Герда, не торшер.

Др. выдохнул.

– Что это она? – спросил Лёвин.

– Чужой в доме, кажется. Я схожу посмотрю.

– Сходите, конечно, – согласился доктор.

Сейчас я уйду, а он в моих вещах будет копаться. Конечно, не будет, он же думает, что вокруг видеокамеры. За психоаналитиками глаз да глаз нужен.

Спички станет жечь.

– Можете пока приложить к глазу батарею, – посоветовала я.

– Как батарею?

– Наоборот то есть, глаз к батарее. Это очень удобно и очень целебно. У меня брат как фонарь получает, так сразу к батарее бежит лечиться – и почти сразу как новенький. Одним словом, дерзайте, я скоро вернусь в пределы. Невзирая.

Я вышла из своей комнаты. В гостиной было все тихо, и в прихожей тихо, и вообще тишина, точно все уехали на каток. Никого, только я и чужой.

Чужой.

И Герда. И докторишка, само собой. Конечно, докторишка бестолков и странен, но Герда… Она стоила трех таких психологов.

Но на всякий случай я взяла балясину из перил. Неделю назад придумала, весьма и весьма удобная штука, кстати. Третья, шестая, девятая балясина, я их немного доработала. Теперь в случае необходимости их можно легко вырвать – в два движения. Так я и сделала, взяла шестую. Полезная вещь, почти как бейсбольная бита. Кстати, бейсбольная бита у меня лежит за диваном, там же баллончик с газом. Вообще-то, я хотела еще пистолет газовый, но папка запретил, сказал, что оружие для серьезных дядек, да и то не для всех. Ну, мне и балясины достаточно, перехватила ее поудобнее, стала вниз спускаться. Конечно, бесшумно стараясь шагать, по краю лестницы, по ковру, как кривоногий японский ниндзя.

В гостиной никого, только часы тикают. А вот в столовую дверь чуть приоткрыта и свет, что, конечно же, не может быть случайно – у нас в кухне датчики движения, подсоединены к лампам. Входишь – и свет, выходишь – и тьма. Сейчас свет. Длинным таким лучом, всю гостиную наискосок пересекает и тянется в мою сторону, здравствуй, дедушка Хичкок.

Очень захотелось бежать. Куда-нибудь в подвал, там двери с металлом…

Паника. Так себе и сказала – закричу. Только до пяти досчитаю.

Досчитала до пяти, но не закричала, перетерпела. Кричать мне невыгодно, закричу – и др. пропишет мне еще сорок сеансов. Да и вообще… Это было бы совсем уж позорно. Просто перехватила балясину покрепче. И вниз, вниз пошагала. Только так, доктор это одобрит, посмотри в глаза чудовищ, короче.

И я стала бороться. Двинулась дальше вниз.

Спустилась в гостиную и на цыпочках направилась к столовой.

Столовая у нас большая, для семейных обедов предназначена, тут и очаг, тут и печь для хлеба – тандыр, или как там ее, большая, короче, быка можно запечь, сложена из пепла Везувия, все как полагается. Изобилие всевозможных кухонных принадлежностей, которыми мы никогда не пользуемся, но которые просто необходимы. Медные кастрюли, чугунные сковородки, ножи, выточенные

из металла снарядов, которыми маоисты обстреливали чанкайшистов на острове Тайвань, к каждому ножу прилагается переведенная на русский история его снаряда – когда он был выпущен, кого убил. Вещи должны иметь историю, иначе ими неприлично пользоваться; так, например, считает сестра моя Аделина.

Про сковородки у меня тоже есть подозрения; вполне может быть, что их отковали из ядер Бородинского сражения. Из чего медь кастрюль, даже знать не хочу, наверное, из пушек Великой Армады.

Мебель комфортная. Обратно про ножи. Ножей у нас много, гораздо больше, чем нужно, это меня немножечко и напрягало, войду, а там…

Но я решила быть стойкой до конца, толкнула дверь, на секунду зажмурив глаза, а когда открыла, то увидела девушку. Она сидела за столом и грызла кедровые орехи.

Орехи – отдельная тема в нашей семье. Мама их очень любит, причем разные – фундук, кешью, грецкие, ну, за исключением мещанского арахиса, само собой. У нас вообще куда руку ни протянешь, сразу на орешницу наткнешься. И непременно в скорлупе – чищеных мама не признает, чищеные орехи теряют полезные свойства.

Девушка грызла орехи весьма и весьма ловко, как семечки, лично у меня никогда так не получалось. Зубы не выдерживали. А если я начинала ломать кедровые орехи молотком, то они вообще расквашивались. А эта красавица делала все легко. Перед девушкой возвышалась целая горка, она закидывала орех в рот, давила его зубами, сплевывала кожуру.

Девушка поглядела на меня.

Сначала я заметила косу. Коса у нее была настоящая, русая и в руку толщиной, и очень ей шла. Я сразу обзавидовалась – сама я косу сколько раз пыталась отрастить – и все бесполезно, такое отращивалось, что лучше лысой ходить. А тут… такой косой можно трирему с мели сдвинуть, если по-гречески. Ну, или трактор «Беларусь», если по-нашему.

Завидос невзирая, зловещие кузнецы, короче.

– Орехов хочешь? – спросила девушка.

– У меня от них зубы ломаются, – сказала я. – Как ни возьмусь – зубы в разные стороны. Хронический недостаток кальция в организме. Орехи – не мой выбор.

– Ты просто не умеешь их грызть, я тебя научу.

Я подошла к столу.

Интересная девушка. То есть весьма, я такую в нашем доме совсем не ожидала встретить. У нас такие в гостях не бывают, у нас все барышни с ярко выраженным глубоким внутренним содержанием, с чувством собственного достоинства и тонким ощущением стиля, они вот так орехи лузгать не станут. А эта… ЧСД есть, но в пределах нормы, не вываливается. И сама не выделывается. Обычно все в ее возрасте сильно выделываются, вот я, к примеру, мне еще, конечно, до ее возраста далеко, но я уже выделываюсь через край, ни слова в простоте, смотрите, какая я умная и все такое. А она нет. Сидит, орехи щелкает, спокойно так.

Интересная, точно.

– В каждом орехе есть особая точка, – сказала девушка. – Стоит нажать – и орех разваливается. Ломается. Она вот тут.

Девушка показала ногтем на ребро ореха.

– На эту точку надо давить верхним зубом. А нижними зубами вот на эту кромку. Несильно совсем, но скорлупа сама собой распадется. Попробуй.

Я взяла орех, вставила его как полагается в зубы, нажала. Скорлупа развалилась. Вот прямо так и развалилась, сама собой. Я попробовала еще – и снова получилось.

– Как просто, – я придвинула к себе горсть. – А я и не знала.

– Мир вообще проще, чем нам порой представляется, – заметила девушка. – Но и, конечно, сложнее с другой стороны. А ты, видимо, Аглая?

– Бывает, что да. А ты?

– Я – Саша.

Саша протянула руку, и я отметила, что рука у нее тоже нестандартная. Неухоженная то есть, ногти поломаны, два пальца заклеены пластырем, следы чернил. Нормальная человеческая рука.

Интересно, что Саша у нас делает?

Интересно, что она вообще делает? Работает где-то, судя по рукам. Или подрабатывает, вернее, если бы работала, ногти были бы запущеннее, а так просто обломаны. Петр Гедеонович всегда учил внимательно смотреть человеку на руки. По рукам можно понять гораздо больше, чем по лицу. Учится еще, наверное, – откуда чернила-то? А сама не очень крупная, кости тонкие, шея тонкая, точно из голодного края. Может, родственница какая-то неизвестная?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/verkin_eduard/gerda

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити